

Владимир ПЕРШАНИН

«ШТРАФНИКИ, — В — ОГОНЬ!»

Штурмовая рота

Военный боевик. Лучшие бестселлеры

Владимир Першанин

**«Штрафники, в огонь!»
Штурмовая рота (сборник)**

«Яуза»

2012

Першанин В. Н.

«Штрафники, в огонь!» Штурмовая рота (сборник) /

В. Н. Першанин — «Яуза», 2012 — (Военный боевик. Лучшие бестселлеры)

«Гвардия, в огонь!» — этот наполеоновский приказ вошел в легенду, однако в годы Великой Отечественной первыми под ураганный огонь и на верную смерть шли не гвардейцы, а штрафники. У них не было даже могил — после боя бойцов «переменного состава» хоронили без воинских почестей, зачастую просто в воронках или брошенных траншеях. Штрафникам не ставили памятников, их не представляли к орденам и медалям. Единственная их награда — вернуться в строй, «искупив вину кровью»... «Штрафные роты не зря называли еще и «штурмовыми» — в каждом бою они шли на штурм, под убийственный огонь в упор. Я не могу не писать об этих людях. Ведь одним из них был мой отец...» (Владимир Першанин) Два бестселлера одним томом! Лучшие романы о штрафниках Великой Отечественной — так пронзительно и достоверно, настолько беспощадно-правдиво о войне давно не писали. Откройте эту книгу. Загляните в глаза смерти. Узнайте, как это было на самом деле. Какая цена заплачена за Великую Победу...

© Першанин В. Н., 2012

© Яуза, 2012

Содержание

Командир штрафной роты	5
Предисловие	5
Часть первая Снайпер	6
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Владимир Николаевич Першанин

«Штрафники, в огонь!» Штурмовая рота

Командир штрафной роты

Предисловие

Мой отец, Николай Александрович Першанин, родился 29 января 1925 года в небольшом селе Чамзинка Инзенского района Ульяновской области. В живописных местах верховья Волги, недалеко от реки Сура. Родители – простые колхозники. Детей в семье было четверо: два сына и две дочери. Отец самый младший.

Семилетку закончил на «хорошо» и «отлично». В потертом свидетельстве об окончании школы стоят отличные отметки по алгебре, естествознанию, истории, географии. Почему-то нет графы «физкультура». Упоминаю об этом потому, что отец был очень сильным физически, занимался спортом, а его мощным плечам и бицепсам я поражался, будучи даже взрослым.

С четырнадцати лет работал в колхозе, а в декабре 1942 года ушел добровольцем в армию. Отца отправили в учебную часть под городом Инза, где он вначале проходил подготовку в пехотном батальоне, а затем был направлен в школу снайперов в этой же учебной части. В августе 1943 года отец ушел на фронт. Среди его старых документов, орденов и медалей, которые я бережно храню, имеются записи: август – декабрь 1943 года – 295-й стрелковый полк, Первый Украинский фронт – снайпер, декабрь 1943 – февраль 1944 года – полевой госпиталь, февраль – апрель 1944 года – снова снайпер, затем пять месяцев офицерских курсов и остальные вехи боевого пути. Обо всем этом у меня сохранилось достаточно много записей, отдельные из которых публиковались. Но сейчас, собрав все записные книжки, документы и награды отца, расспросив еще раз родню и своих земляков, изложил его военную биографию. Далеко не простую. Снайпер, командир взвода, командир штрафной роты. Хочу, чтобы эта документальная повесть осталась памятью об отце.

Считаю вправе, для большей точности, вести рассказ от имени отца – от первого лица.

Часть первая Снайпер

Чамзинка – село небольшое. До станции Инза двадцать пять километров дороги, петляющей по лесу и холмам. До семидесятых годов проехать эти двадцать пять верст было проблемой. Чернозем, раскисая в апреле, а потом обильно политый весенними дождями, превращал дорогу в такое месиво, что от станции до села добирались порой целый день. Впрочем, до войны эта проблема остро не стояла. По всей округе едва набиралось полдесятка полуторок и единственная трехтонка ЗИС-5, на которые каждый раз сбегались смотреть и дети и взрослые.

Весь транспорт был гужевой. Лошадки терпеливо тащили по грязи, по глубоким колеям, смерзшимся буграм и сугробам груз на станцию: зерно, картофель, лес. Назад чаще всего возвращались пустые, разве что земляки из района подсаживались. Деревню шибко не баловали. Вместо денег шли палочки-трудодни. С какими трудностями копил я деньги на балалайку и модную красную рубашку! По медякам собирал, а ведь работал в колхозе как взрослый, с четырнадцати лет.

Музыканта из меня не получилось. Не оказалось «музыкального слуха» – слов совершенно непонятных. Как я считал, пел я неплохо. Орал вместе со всеми частушки, одну из которых запомнил. Сейчас бы ее назвали похабной, но в конце тридцатых годов она считалась остроумной и даже веселой:

Как в Зареченском колхозе,
Девоч велят на навозе,
Их там мнут, они визжат,
Брызги в стороны летят.

Пели, конечно, и хорошие песни: «Катюша», «Поедем, красotka, кататься» и многие другие. Оглядываясь на себя, шестнадцатилетнего, кудрявого, крепко сбитого мальчишку, вспоминаю, что некоторые девушки были не прочь со мной дружить. Но я отчаянно завидовал гармонисту и балалаечникам. Кто-то пообещал мне сделать самодельную балалайку, надо только длинных волос у лошади из хвоста надергать.

Вылазка за конским волосом едва не закончилась для меня трагически. Кобыла на колхозной конюшне, считавшаяся более смирной, чем другие, так уделала копытом в плечо, что я отлетел метра на три. Повезло, что не разбила челюсть или ключицу. Недели две сходил с плеча огромный синяк. Да еще от отца вожжами досталось.

На балалайку где-то за полгода я денег все же накопил. Вместе с дружкой отправились в Инзу, где долго выбирали инструмент покрасивее. Принес домой. Радовался не меньше, чем сейчас радуются парни новой дорогой автомашине. Но с учебой не заладилось. Научился кое-как тренькать «Светит месяц», и на этом все. Не было этого чертова музыкального слуха, хоть лопни! Балалайку положили в дальний угол, а спустя время моя мама, Ульяна Ивановна, ее продала и купила мне красную рубашку.

Хотя мои воспоминания о Великой Отечественной войне, но я хочу хоть вкратце рассказать о последних предвоенных годах. О жизни деревни, в которой жил я, моя многочисленная родня и были похоронены несколько поколений предков. Отец у нас был строгий, бездельников не терпел. Не считая дел по дому, возни с огромным огородом, сенокосом, заготовкой дров, все дети, начиная с четырнадцати, уже где-то работали. В том числе и обе сестры. Может, поэтому и не голодали, хотя еда была простая. Мясо ели зимой, да и то по праздникам и воскресеньям. А в остальное время очень редко: если овца захромает или несущке срок приспел. Вареную курицу съедали целиком от головы до лапок.

Основная еда: картошка, гороховая или пшенная каша, молоко, хлеб. Налоги платили большие, и молока не хватало, не говоря о сметане или масле. Но главной едой в моей родной Ульяновской области считалась, да и сейчас считается картошка, которая дает богатые урожаи. Ели ее вареной, гораздо реже – жареной. Лакомством считалась картошка, томленная в русской печи на молоке с хрустящей корочкой сверху. Очень вкусным был домашний ржаной хлеб, печенный на капустных листьях, но и его доставалось далеко не досыта. Кстати, хлеба, как и многих других продуктов, в нашем сельмаге не продавали. Помню, как по весне мама пекла «пресняки» – пресные лепешки, густо нашпигованные зеленым луком и кусочками вареных яиц. Пресняки считались лакомством. Но с началом войны в муку стали добавлять лебеду, липовые листья. Вкус у хлеба и Пресняков был уже не тот.

Крепко выручали овощи. Огороды у всех были большие. Земля хорошая, давала большие урожаи капусты, тыквы, свеклы, огурцов. Тыкву запекали большими ломтями в русской печи. Это было для нас сладкое блюдо, что-то вроде современных пирожных.

В нашем селе очень любили рыбу. Но до реки Суры было двадцать километров – большое расстояние по тем дорогам. Рыбаки продавали улов в ближних селах. До Чамзинки мало что доходило. А в мелкой речушке за селом ловились пескари да голавли, чуть больше пальца. Но мы со старшим братом Федором иногда не ленились встать до рассвета и, когда везло, приносили на куканах из ивовых прутьев, чтобы все видели, какие мы удачливые рыбаки, десятка три-четыре мелочовки. Как раз хватало на большую сковороду. Рыбешка мелкая, и мать разбивала в жареху несколько яиц. Получалось вкусно и сытно. Съедали до косточки, кошке мало что доставалось.

Слово «колбаса» для меня было незнакомо. Не хватало многого. Особенно сахара. Однажды родители привезли из города несколько килограммов сахара-песка и давали детям его буквально по крохам. Не в силах преодолеть соблазн, я заползал под кровать, где в нескольких мешочках, завязанных на хитрые узлы, хранился сахар, и не рискуя развязывать их, сосал, как сладкие леденцы, уголки мешочков. Если бы поймали, досталось бы крепко!

Помогал лес. На зиму, по особому рецепту, солили в бочках грузди, лисички. Рецепт был старинный. Грибы не варили, а, хорошо отмочив, пересыпали солью, клали листья смородины, и грибы доходили до готовности около двух месяцев. Вкусная штука! Обычно в каждой семье в погребе стояли по две-три бочки грибов. Белые грибы, подберезовики, маслята сушили связками. Их часто привозят в Волгоград из Ульяновских деревень, и я всегда узнаю эти связки.

В лесах всегда хватало орехов и ягод: особенно земляники и малины. Но делать варенье возможности не было – сахара не найти. Однажды деды прослышали, что на севере клюкву или морошку замачивают в воде. А урожай малины в тот год был очень богатый. Ведрами таскали малину в погреб и заливали ее в бочках водой. Конечно, через несколько дней она пропала. Вот жалость была!

Старший брат Федор лет с пятнадцати крепко увлекся охотой. Все свободное время проводил в лесу. Вначале его гоняли:

– Навоз не убран, а он с берданкой шатается.

Но Федор очень метко стрелял и почти каждый раз приносил зайца, иногда – двух. Мать тушила зайчатину в чугушке со свиным салом и картошкой. Федора стали хвалить. Даже вместо старой берданки 32-го калибра, из которой в любую дичь попасть трудно, купили одностволку 16-го калибра. Федор стал брать на охоту и меня, и я тоже со временем научился неплохо стрелять из берданки. Правда, дичи добывал гораздо меньше, чем Федор. Слабенькое и старое у меня было ружьецо. В узких латунных гильзах помещался десяток самодельных дробинок. Но шишки с сосен я сшибал довольно точно, раза два сбивал даже тетеревов, добыл несколько зайцев. Может, позже это помогло мне метко стрелять из боевой винтовки и пройти отбор в снайперскую школу.

Места, где я родился и вырос, можно назвать глухими. Много в селе было неграмотных. Об электричестве только в газетах читали. Некоторые, уже взрослые люди, железной дороги не видели. Словом, много чего не знали мы, с чем были хорошо знакомы городские жители. Но в моей памяти деревня тридцатых-сороковых годов, хотя и бедная, плоховато одетая, мало читающая, имела веками накопленный разумный подход ко всему. Иначе бы не выжили.

Вот простой пример. Мои уцелевшие друзья-фронтовики откровенно признавались: «Война нас сильно испортила. Пить водку научила...» А ведь это верно. В деревнях родной моей Симбирской губернии до войны пили мало: на праздники, по воскресеньям (да и то не каждое). Употребляли чаще всего брагу, настоящую на красной смородине, реже – водку. А самогона, его у нас называли «перегонка», гнали либо уж на совсем большой праздник, либо пьяницы, которых в деревне можно было пересчитать по пальцам. Почему так? Традиции, воспитание и, конечно, привычка к труду. Пьяницу-сына нещадно шпыняла вся семья, жена, издевались соседи. А когда начинали вспахивать, засеивать огромные огороды, шли на колхозный покос, себе для скотинки участки косили да работали на уборке, всем было наплевать, с похмелья ты или нет. Хоть падай, а работай. Или сбегай из села. Ищи городского счастья, где тебя никто не ждет.

Мои земляки трезво видели сильные и слабые стороны колхозов и советской власти. Конечно, к колхозам из-за нищей оплаты, уравниловки, почти крепостной зависимости от местных властей относились в основном отрицательно. Но и признавали, что от голода никто не помирал. Даже в самые неурожайные годы люди знали, что умереть им не дадут. Я не беру коллективизацию, тупое раскулачивание, о котором мало что знал, а вспоминаю период, когда в тринадцать-шестнадцать лет что-то уже соображал, то бишь в тридцать восьмом – сорок первом годах.

Многие в селе охотно читали газеты. Пусть урезанные цензурой, как вся тогдашняя печать, порой просто брехливая, но все же окошко в большой мир, где руководит страной великий Сталин, на Кубани собираются сказочные урожаи, а япошкам на Халхин-Голе так намылили шею, что удирали без оглядки.

Кому-то покажется сусальной такая картина. На ступеньках сидит мой отец Александр Афанасьевич и читает вслух газету, а вокруг пять-шесть человек соседей слушают, обсуждают. Кстати, отца за грамотность и авторитет среди сельчан назначали (или избирали) раза два председателем сельсовета. Он привил мне и старшему брату Федору, проработавшему после войны много лет начальником почты, любовь к чтению. В пятидесятых годах, проходя службу на Дальнем Востоке, мы с офицерами обсуждали роман Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Многие под влиянием прошедшей войны воспринимали гиперболоид как реальное, мощное оружие, возможно, где-то применявшееся.

Я любил приключенческие, военные книги с детства. Жюль Верн, Луи Буссенар с его бессмертным «Капитаном Сорви-голова», Аркадия Гайдара. А мой брат Федор с женой, преподавательницей русского языка и литературы, собрали после войны целую библиотеку журнала «Роман-газета», которую перечитали многие друзья и соседи.

Мой дед, Афанасий Александрович Першанин, великолепно вырезал из дерева. Годов до семидесятых сохранилась метровая, тщательно вырезанная из липы, покрытая лаком фигура Степана Разина с орлом в поднятой руке. Одно крыло у орла отломилось, и статуя пошла трещинами, но работа была мастерская.

Война пришла, как и для большинства наших людей, неожиданно. После недавнего сообщения ТАСС о том, что у нас с Германией мир и дружба, в первые часы 22 июня царила неразбериха. Моя бабка утверждала, что на какую-то страну напал Сталин. Что, впрочем, неудивительно после «победоносных походов» на Западную Украину, Белоруссию, захвата

Прибалтики. Кто-то высказывал другие версии, но в двенадцать часов дня речь Молотова поставила все на свои места. Гитлер напал на Советский Союз!

Мне было шестнадцать. Как и многие ровесники, я рвался на фронт. Не сомневался, что мы победим. Комсомолец, ворошиловский стрелок! Молодежь верила в быструю победу. Воспитанные на романах и фильмах «Если завтра война», «Первый удар», мы представляли войну такой, какой нам ее показывали. С лубочными толстыми фашистами, в рогатых касках, которых мы сметем нашими мощными танками, самолетами, лавиной конницы, а немецкий пролетариат нам поможет.

Между тем, уже много позже, обе бабушки и мать рассказывали мне, что слухи о будущей войне тайком ходили среди старшего поколения с весны сорок первого. Потихоньку запасались солью, спичками, мылом. Запаслись бы и сахаром, да его не было. В июне в окрестные села приехали несколько семей с приграничных краев. Напуганные, они помалкивали, но близким родственникам рассказывали:

– Гитлер такую огромную армию у границы собрал!

Повестки стали разносить уже в первый день войны. И потянулись рано утром в понедельник 23 июня похмелившиеся, крепко на взводе, мужики на станцию Инза. Что там двадцать пять километров да под гармошку. Водка, сало, вареные куры, яйца. Пей, Никита! Наяривай, Иван! Расшибем фашистскую курву!

Я тоже в тот понедельник рано проснулся. Дядьку, еще кого-то из родни провожал. Женщины кричали, плакали. Такой вой стоял, жуть. О столбы головой бились. Матери, жены сразу почувствовали, что никто из тех июньских призывников домой не вернется.

В конце июня ушел на фронт старший брат Федор, а спустя месяц – отец. Дом сразу опустел. Из мужиков дед Афанасий да я остались. Что про сорок первый и сорок второй сказать? Работа от темна до темна в колхозе да еще семейное хозяйство тянули. Разумеется, как и везде, без выходных. Уставал страшно. Особенно на полевых работах, уборке, косовице, где по пятнадцать-шестнадцать часов работали. На возраст не смотрели.

Жили событиями на фронте, ждали писем от брата и отца. Федор воевал под Ленинградом. Отца перекидывали с места на место, хоть и возраст за сорок. Раз два был ранен. Федора тоже ранили, но писал он о себе скупно. Главное – оба живые.

Весной сорок второго уже крепко давал о себе знать голод. Сильно урезали хлебные нормы, даже картофеля не хватало. Весной на колхозных полях собирали остатки неубранной мерзлой картошки, которая годилась только на крахмал, и варили кисель. Конечно, без сахара. В лучшем случае, с молоком. Некоторые женщины из особенно бедных семей ходили по ночам на скотомогильник. Отрубали куски мяса подошедших от голода лошадей. Долго варили жесткое, жилистое мясо и кормили всю семью.

А уж как обходились в сорок третьем и сорок четвертом годах – не знаю. Тогда голод повсеместно царил. А с колхозного поля попробуй горсть зерна или пару картофелин унести! Тогда по мелочи не разменивались. Пять или десять лет лагерей. Но это уже было без меня.

В середине декабря 1942 года, в самый разгар боев под Сталинградом, после очередного заявления, я ушел добровольцем в армию и был направлен в учебный полк, недалеко от города Инза.

Мне, семнадцатилетнему мальчишке, было трудно разобраться в системе подготовки учебного полка. Кто-то, получив обмундирование и пробыв в полку считанные дни, уезжал. Куда? В училище, на фронт? Мы не знали. Наверное, все же на фронт.

Другие проходили трех-, шестимесячные курсы. Готовили бойцов и младших командиров разных специальностей. Некоторые роты считались секретными. В них нас не пускали. Возможно, там готовили десантников, радистов, может, еще кого-то для заброски в немецкий тыл.

Расскажу свои первые впечатления. Военный городок был расположен в лесу. КПП, высокий забор, ворота. Нас, человек под триста, поместили в длинную бревенчатую казарму. Две учебные стрелковые роты. Двухэтажные койки, матрацы и подушки, набитые сеном. Самодельные тумбочки и табуретки, комната для занятий и Ленинская комната. В них – грубо сбитые столы для занятий и такие же табуретки. В комнате для занятий – схемы устройства винтовки Мосина (нашей знаменитой «трехлинейки»), станкового пулемета «максим» и ручного Дегтярева. Их технические данные. Особое впечатление производил знакомый по фильмам, а особенно «Чапаеву», станковый пулемет «максим», с прицельной дальностью стрельбы три тысячи метров и скорострельностью восемьсот выстрелов в минуту.

– Вот это штуковина! – восхищались мои ровесники. – За три километра фашистов можно лупить. За десять минут восемь тысяч пуль выпускает!

Мало кто знал, что громоздкая знаменитость Гражданской войны, весом под семьдесят килограммов, с уязвимым водяным охлаждением, уже устарела и уступала немецким МГ-34. За три, да и за два километра никто из «максима» не стрелял и уж тем более не пытался выпустить восемьсот пуль в одну минуту. Но мы в него верили, и это главное. Свою роль надежный и неприхотливый «максимка» в Отечественной войне сыграл и воевал до самой Победы. Хотя позже, сколько придется мне увидеть разбитых немецкими минами и легкими пушками наших «максимов», издалека заметных из-за своих размеров. Их расчет не успевал достаточно быстро сменить позицию, надежно укрыться. Для «максима» и расчета целый окоп нужен.

В Ленинской комнате в хорошо сработанных рамках – портреты В.И. Ленина и И.В. Сталина. Два вождя. Ленин – в пиджаке и кепке, Сталин тоже одет довольно скромно. Скажу откровенно, понравится кому или нет, но Сталина я уважал. Несмотря на все колхозные неурядицы, бедность, воспоминания о раскулачивании, отец и мать привили мне уважение к вождю. Не скажу, что дифирамбы Иосифу Виссарионовичу пели, но верили, надеялись на него. И оправдание нашей бедноте находили. Враги со всех сторон! Поэтому тяжелую промышленность создаем, армию укрепляем – надо потерпеть. А сколько терпеть – никто не спрашивал.

Ленинская комната была оформлена как музей. И различные фотографии И.В. Сталина, его высказывания, намалеванные на плакатах корявыми буквами, статьи. Здесь же фотографии членов Комитета обороны и красочные листовки, где наши бойцы, придавив гада-фашиста крепким сапогом, вонзали ему штык в брюхо. Висели листовки с фотографиями и описаниями подвигов Виктора Талалихина, Зои Космодемьянской, Николая Гастелло и других Героев Советского Союза.

Морозы стояли в декабре градусов под двадцать, а ночью – все двадцать пять. Две металлические печки топили непрерывно, благо дров хватало. На ночь, кроме белья и одеял, накрывались шинелями. Терпеть можно, хотя вода в ведрах на полу замерзала.

Что меня разочаровало, так это военная форма. Получил я старую гимнастерку, заштопанные шаровары, прожженную шинель и шапку, которую до меня носили человек пять. Мы с дружкой, Никитой Лыковым, рассчитывали, что нас оденут во все новенькое, обязательно сфотографируемся и пошлем карточки родителям и друзьям. К сожалению, наша форма не годилась для парадных снимков, да и фотографировали в полку только на партийные билеты и другие важные документы.

Впрочем, я немного успокоился, когда узнал, что в одном из соседних учебных батальонов ребята ходят еще в домашних обносках. Не хватало красноармейской формы. И хотя мы знали, что на фронте туго, но всей трагичности обстановки конца сорок второго года еще не понимали. Ура! Немцев бьют под Сталинградом. Много позже я узнал, что расхожее мнение о том, что как началось наступление 19 ноября 1942 года, так мы и погнали фрицев – не совсем соответствует истине. Пока мы осваивались в городке и начинали учебу, под Сталинградом до

самого последнего дня, до 1 февраля 1943 года шли ожесточенные бои. Немцы прекратили сопротивление только после приказа своего командования.

И все же это было самое мощное и победоносное наступление за полтора года войны. И наша учеба шла под впечатлением битвы под Сталинградом. О наступлении, а позже о разгроме немцев на Волге шла речь и на политзанятиях, и на комсомольских собраниях, и во время учебы. Помню, как замполит Богородский, туго паковавший свой объемистый живот в португеею, втолковывал нам:

– Вы понимаете? Впервые, с тридцать девятого года, фашистам нанесли такой мощный сокрушающий удар. Тридцать с лишним дивизий, целую армию, наши добивают в окружении. Гитлеру дали понять, что вся его стратегия летит к чертям. И Красная Армия, под руководством великого Сталина, знает, как надо воевать, не оставляя врагам шансов спастись.

Замполит говорил еще очень много всяких умных слов, часть которых мы не понимали, но задавать вопросы стеснялись. Кроме нас, деревенских, с образованием зачастую четырех-пять классов, в роте были и городские ребята из Челябинска, Ульяновска, Куйбышева. Они не упускали случая подколоть, когда кто-то из моих земляков путал ученые слова или задавал простодушные вопросы.

Правда, сильно выделяться у них не получалось. Наши, сельские, привыкшие с детства к труду, были крепче физически. Без труда подтягивались на турнике, ловко прыгали через «козла» (в селе сколько в чехарду играли), быстро осваивали другие физические упражнения. Конечно, среди городских были и настоящие спортсмены-разрядники, но хватало и слабаков, болтавшихся на турнике, как лапша. Да и дров наколоть, а две печки пожирали их огромное количество, как правило, ставили нас. Мы делали это быстро и ловко.

Старший политрук Богородский, «духовный отец» нашей роты, служил под Смоленском. У него было двое или трое детей, старики на руках, и он успел эвакуировать свою большую семью в нашу Ульяновскую область буквально под бомбами. Богородский немного воевал, был ранен, а затем сумел получить направление в учебный полк. Он боялся фронта. Особенно это было заметно, когда время от времени вместе с выпускниками отправляли на передовую наших преподавателей. Заменяли их фронтовиками, выписавшимися из госпиталей, а нередко ловкачами, втесавшимися в «учителя». Хотя как они могли научить нас воевать, не нюхая фронта?

Над боязнью Богородского попасть на передовую мы втихомолку подсмеивались. Много позже я понял, что старший политрук, успевший нюхнуть мясорубку сорок первого года, больше, чем за себя, боялся оставить без кормильца свою большую семью, непривычную к деревенскому труду и быту. Он переводил им всю свою зарплату и даже пересылал мелкие подарки (лепешки, сало, яйца), иногда перепавшие ему от родителей курсантов.

Богородский хорошо знал – из сорок втором году с фронта живыми практически никто не возвращался. Разве что без руки или без ноги, а то и вообще без конечностей. В Инзе я уже видел такого бедолагу. Ноги, оттяпанные по самое никуда, одна рука, тележка, утопающая в грязи, и засаленная шапка со звездой – для милостыни. Но разве семья может служить оправданием для трусости? В нашей семье отец и брат Федор больше года воевали, и я добровольцем пошел.

Богородский неплохо к нам относился, не орал, когда мы засыпали на его «проповедях». Просто приказывал встать, и парень потихоньку очухивался. Как и многие преподаватели, он нес много ненужного и, я бы сказал, вредного. Это я понял позже, на фронте. Нельзя недооценивать и пренебрежительно относиться к врагу. А ведь из речей таких «наставников», как наш замполит, следовало, что техника и оружие у нас самые лучшие, немцы почти разбиты. От залпов «катюш» фрицы поголовно кладут в штаны, а танки Т-34 и КВ («Клим Ворошилов») практически невозможно подбить. Такая у них мощная броня и такие у немцев хреновые пушки. Хотя в сорок втором году немцы уже активно применяли подкалиберные и какой-то

процент кумулятивных снарядов, пробивающих броню и «тридцатьчетверок» и КВ. Сколько их сгорело и погибло людей в бездарном весеннем наступлении под Харьковом! Но об этом предпочитали умалчивать и тем более «не пугать курсантов».

Ну ладно, бог с ним, с Богородским! Начал я, наверное, не с самого главного. Чтобы закончить тему, скажу, что ходили сплетни, что наш замполит ходит в сорок лет всего лишь «старшим политруком» из-за своей фамилии.

Ну, это, по-моему, чушь. Говорили еще, что у Богородского не все в порядке с происхождением, а держат его как грамотного политработника.

В январе морозы шарахнули под тридцать и больше. В казарме стоял колотун. Спасало только движение. В шесть часов, еще в темноте, подъем, зарядка, пробежка с километр. Потом довольно сытный завтрак: каша (чаще с подсолнечным маслом), увесистая четвертушка хлеба, настоящий горячий чай, порция сахара. Кто не наедался и был, по мнению начальства, слишком худым, получал иногда добавку. Я хоть и выглядел крепышом, но в дополнительной кружке чая мне не отказывали. Я и сахар делил всегда на две кружки. Как в поговорке говорилось: «Чай не пил – какая сила!»

Много занимались тактическими занятиями, но в основном однообразными: «Взвод в обороне» или «Взвод в наступлении». Учились ползать по-пластунски. Мороз, снегу по колено, а где и по пояс, а мы ползем с деревянными винтовками. Впрочем, снег уминали быстро. Если за ночь свежего не подвалит, то в радиусе километра он был примят нашими животами и ботинками.

Боевые винтовки и валенки мы получали при заступлении в караул, а «штатным оружием» пока были деревянные винтовки и доски-трескотки, которые изображали пулеметную стрельбу. Хоть и посмеивались мы над деревяшками, но в основном все понимали серьезность происходящего. Позже, на фронте, мне иногда приходилось видеть маршевые роты, брошенные с ходу в бой, не прошедшие нормальной подготовки. И как ползли новобранцы на четвереньках, а пули и осколки валили их, не прощая лишних тридцати-сорока сантиметров, которые выпячивали над землей свежее испеченные бойцы.

Запомнился командир нашего второго взвода, лейтенант Морозов. За глаза мы именовали его коротко – «Мороз». Лихой парень, лет двадцати с небольшим, прошедший передовую и пробывший там не месяц-два, как Богородский, а воевавший с сорок первого, дважды раненный и направленный учить, как надо воевать, нас, сопляков.

Отчаянный матерщинник, всегда в куртке (шинель Морозов надевал только на строевые смотры), в начищенных яловых сапогах и кобуре с ТТ, которая висела на ремне совсем не так, как у других преподавателей. Ближе к животу, что ли, или как-то еще, но удобно. Чувствовалось, что хорошо повоевавший лейтенант нашел ей правильное место и выхватывал пистолет в считанные секунды. По слухам, Морозов, выбираясь из окружения, застрелил пять или шесть немцев и вывел целую роту.

Он умел заразить нас азартом настоящего боя, забыть, что винтовки деревянные и мы находимся в глубоком тылу. Обычно четыре взводных отделения Морозов делил на две группы. Одна наступала, другая оборонялась. Мы, кто помоложе, порой в такой азарт входили, что, сцепившись, расшибали и носы друг другу и прикладом так получали, что отходили потом полдня.

Запомнились мне перекуры, когда солидно сворачивали самокрутки и взводный рассказывал по нашим просьбам о войне. Что мне запомнилось? Лейтенант говорил много о немецкой авиации. Учил нас сразу искать укрытие или просто падать и не шевелиться. Жестикую левую ладонью, с огромной багровой вмятиной, он говорил быстро, глотая окончания слов:

– Самый поганый самолет – «лаптежник» (имелся в виду немецкий пикировщик Ю-87). Бронированная сука, пузо, как у судака, блестит. Целую тонну бомб тащит. Два пулемета впе-

реди да еще один у стрелка с тылу. Пикирует с таким воем, что молодежь с перепугу из окопов выскакивала. А ему только этого и надо. Высыплет с полсотни осколочных десятикилограммовок. Где руки, где ноги оторванные валяются. Или фугаску с полтонны шваркнет, но это уже по цели. По укреплению, по тяжелой батарее. Земля трясется, подбрасывает людей, а ты не робей. Все равно мимо! Свою бомбу не услышишь, да и редко прямые попадания случаются.

– А если его из винтовки? Да целым залпом? – спрашивал кто-то из молодняка.

– Бесполезно, – отмахивался взводный. – Во-первых, взводом не получится, половина в землю влипла и себя не помнят. Находились ребята, били из винтовок и «дегтярей». Иногда попадали, но лишь искры летели. Броня! «Лаптежника» пушкой только возьмешь или, на крайняк, из крупнокалиберного пулемета. Да и врезать, знать куда надо. Спереди в мотор или в хвостовину очередь засадишь, тогда хоть какой-то шанс.

– А «шанс». Что это такое? – спрашивал мой дружок, Никита Лыков.

Лейтенант терялся, толком не умея объяснить.

– Ну, возможность. Удача.

– И сбивали?

Мороз усмехался:

– Я лично такого не видел. Но пугали фрица хорошо. Ударит по броне очередь, он сразу вверх. Бомбы куда попало сыпет, а другие самолеты высоту спешно набирают. Значит, и бомбежка не такая точная.

Много разного рассказывал нам взводный, а может, чего и лишнего. К тому же заложить за воротник любил. Во взводе половина ребят местные. Матери, братья, сестренки их навещали. Лейтенант, добрая душа, бывало, на целый день отпускал, только чтобы он место знал. В случае чего сбегать и привести, если начальство хватится. Ну, почти каждая мать бутылку, а то и две приносила. Сала, грибов. Просят: «Может, моего здесь оставите. Сделайте, а мы в долгу не останемся».

В общем, через полтора месяца собрал наш лейтенант вещички. Тощий вещмешок, полевая сумка, потертая кобура с ТТ. Попрощался и, возглавив группу курсантов-выпускников, двинул на фронт. Хотя и не слишком правильный по требованиям учебного полка, но Морозов был хорошим командиром. На передовой за спинами бойцов наверняка не прятался. Такие быстро гибли. А бывало и наоборот. Сам позже убеждался. Отгоняли они своей отчаянностью смерть, или она щадила их. Ранят, отлежит в госпитале и снова на передовой. И чаще в невысоких чинах. Для меня мой первый взводный, несмотря на короткий срок пребывания, остался примером во многом. Суета излишняя мне только не нравилась и пристрастие к спиртному.

А через пару дней нам определили нового взводного. Лейтенанта по фамилии Елагин. На «отлично» училище в Челябинске закончил. Весь отглаженный, в новенькой шинели, с таким же новым пистолетом ТТ в кобуре. Но не так кобура висела, не по-фронтовому. И пять фрицев на счету лейтенант-отличник не имел.

Немного расскажу о нашем взводе. Конечно, никакой дедовщины, которая выросла в шестидесятых годах, не было и в помине. Отношения были проще. Но люди были разные. Если начну разливать, какие мы были дружные да хорошие, не совсем правдиво получится. В основном было нам лет по восемнадцать-двадцать, некоторые постарше, а человек шесть – совсем «старики», под сорок лет.

Старики держались отдельной кучкой. Вели негромкие, не слишком веселые разговоры, а на нас, сопляков, особенно когда мы начинали беситься, играть в «угадай» с крепкими затрепщинами и воплями или устраивали потасовку во время «атаки», смотрели, как на щенят. Задевало нас и когда они посмеивались над нашими брехливыми рассказами о любовных делах. Большинство только на посиделках девок тискали, а что-то большее нам не позволялось. Тем не менее мы несли такую ахинею, за которую мне и через три десятка лет бывало стыдно.

Получалось так, что мы держались небольшими группами. Сбивались в кучку земляки. Некоторые хоть и с разных концов страны, но знакомились и становились «корешками» еще в поездах, на пересыльных пунктах. Но это было чисто условное деление, когда собирались вместе покурить, вспомнить родные места, опустошить полученную от родных посылку, не забыв отделить что-то старшине. На занятиях, учениях мы держались взводом, и столкновений или неприязни между группами практически не было, если не считать некоторой напряженности в отношениях с городскими. Да и то не со всеми.

Мне лично не нравился один парень из Саратова. Звали его Олег. Он закончил десятилетку и курс какого-то института. Обычно таких сразу брали или в военные училища, или на курсы младших лейтенантов, но Олег почему-то учился «на рядового». Хотя имелись в полку и пулеметный и саперный батальоны. И другие подразделения специалистов. Высокий, крепко сложенный, он был очень самолюбив. Помню, что с нашим первым взводным у него были стычки. С ним вместе держались еще человека четыре, хоть и попроще, но зараженные высокомерием «Вещего Олега». Такую кличку ему присвоили, а потом сократили до более простой «Вещун».

Он любил громко рассуждать о фронтовых делах, хорошо знал историю. Сравнивал нападение Гитлера с бесславным походом Наполеона. Безапелляционно высказывал свое мнение о любых событиях, людях. Олег язвил, когда его не слышали, в адрес наших командиров отделений из сельских ребят.

– Ты чаво? – передразнивал он Никиту Лыкова, первого, получившего «младшего сержанта» из всех нас. – Надысь это было, а не вчера!

– Чего ты ехидничаешь? – не выдерживал я. – Завидно, что не тебя на отделение поставили?

– А тебе-то чего надо, «пресняк луковый»! – огрызнулся Олег.

Эту кличку он пытался приклеить мне после одного из разговоров, когда мы, голодные, на занятиях в лесу обсуждали, кто бы чего съел. Сlopали бы мы все, что угодно, хоть черствый хлеб без воды. Но вспоминали вкусные вещи. Кто что любил. А я вспомнил горячие, пахнущие домашним подсолнечным маслом «пресняки» с луком и яйцами. Сельские ребята согласились, что штука вкусная, а Олег завел никчемный хвастливый разговор о «тортах» (я и не знал такого слова), о шашлыках, копченой колбасе. И получилось, что мы, простота деревенская, в жизни ничего слаще лепешек с луком не едали и вообще жизни не видели. Цапнулись мы тогда, но спор быстро прекратил Никита и перевел разговор на другую тему. Кличка ко мне не приклеилась, а называли меня чаще Колян. Нормально и просто.

Но спустя неделю мы крепко сцепились с Олегом, когда дежурили на кухне. Пилили двуручной пилой дрова. Олег владел пилой плохо, злился, что-то шипел. Я не выдержал:

– Это тебе, Вещун, не языком трепать. Тяни сильнее на себя.

Олег опешил и обозвал меня Пресняком. Конечно, по образованию я уступал Олегу, но в роте я твердо держал второе место по силовым упражнениям. Мышцы у меня от тяжелой сельской работы вымахали, не обхватишь. Не хваюсь, так и было. Однажды на соревнованиях я вызвал одобрение всех ребят, когда подбрасывал и ловил пудовую гирию. С двухпудовой было тяжелее, но раз десять я ее выжал и получил приз – банку сгущенки. Мы развели ее в большом чайнике кипятком и выпили компанией.

– Умный очень? – сказал я, откладывая пилу. – Если городской да еще десять классов закончил, я для тебя деревня неотесанная? Пойдем, сходим, поговорим.

Выяснять отношения со мной в драке один на один было бесполезно. Я свалил бы его, если не первым, то вторым ударом. Но и трусом Олегу казаться не хотелось.

– Ладно, хватит. У меня тоже имя есть, и никакой я не Вещун. Можешь Аликом меня называть.

Подумал я с минуту и протянул руку. Сообразил, что не слишком героическим выглядит мой вызов, если я гораздо сильнее Олега и отмочу его без особых усилий. В общем, помирились мы и даже подружились. И пилой двуручной научил его работать. Но, забегаю вперед, скажу, что крепкой дружбы между мной и Олегом так и не вышло. А то дежурство на кухне закончилось для нас обоих не слишком удачно. Было много работы, правда, и кормили всю смену повара от души. Помню, поужинали мы хорошо, а затем один из поваров вытащил целый таз с вареными мослами.

– Грызите, у кого зубы есть!

Мослы мы грызли с удовольствием, а уже глубокой ночью притащили три мешка картошки, дали ножи, и мы получили задание до утра почистить и помыть ее. Было нас четверо или пятеро, не помню. Наука нехитрая, но не каждый ею владеет. Кто шустро чистит, подправив нож, кто кое-как возится. Олег, что называется, спекся часам к пяти утра. Натер мозоли, стал клевать носом.

– Иди, умойся или походи на морозе, – посоветовали ему, но он с непривычки к однообразной работе буквально засыпал. Нож выронил, с табуретки свалился, потом порезал ладонь, и мы отправили его поспать. Остатки, ведра четыре, почистили сами.

А у меня дня через два разболелся зуб. Ночь не мог спать – такая сильная боль. Взводный отправил меня к врачу. Тот осмотрел рот, взял пинцет и выдернул застрявший глубоко в зубах жилистый разбухший от тепла кусочек мяса.

– Не жадничай в следующий раз, – напутствовал он меня.

Избавившись от боли, я радовался, как никогда в жизни. А с Олегом мы снова поссорились. Из-за стрельбы.

Новый взводный Елагин сильно отличался от простого фронтовика, лейтенанта Морозова, уже наверняка воевавшего, а может, и сложившего голову. Службист! Заставил нас всех постираться, залатать гимнастерки, брюки, ходить только в начищенных ботинках с чистыми обмотками. Спасибо ему, целую неделю долбил взвод, но эти длинные обмотки научил наматывать. А тут как раз погоны получили. Елагин требовал, чтобы пуговицы блестели, а погоны сидели как положено. Мы хоть и бурчали, но, приведя себя в порядок, с удовольствием гляделись в зеркало. Следом за нами подтянулись и другие взводы.

Науки мы проходили разные: боевую и строевую подготовку, химзащиту, изучали, разбирая и собирая по десять раз винтовку Мосина – одну на отделение. Стреляли мало. Перед присягой и раза два по три патрона за всю зиму. К весне дело наладилось.

Кстати, в марте мы проводили на фронт первую группу из нашего взвода. Ушли человек двадцать. Те, кто постарше или служившие раньше. Попрощались, даже позавидовали, что ребята избавляются от муштры, а сами продолжили учебу. Стали чаще устраивать боевые стрельбы, уже стабильно, раз в неделю. Изучили автомат ППШ, пулемет Дегтярева. Стрелял я неплохо, но не лучше всех во взводе. Однажды начальство решило посмотреть на нас на стрельбище.

Я думаю, что именно тогда производился набор в организованную в полку школу снайперов. Насчет школы мы ничего не знали. В газетах много писали о знаменитом сталинградском снайпере Василии Зайцеве, уничтожившем лично три сотни фашистов, и в том числе одного из лучших снайперов немецкой армии майора Кеннинга. Хорошо запомнилось мне, что Людмила Павлюченко уничтожила 309 немецких солдат и офицеров, а группа снайперов (сколько их было, не упоминалось) уничтожила за время Сталинградского сражения более шести тысяч фашистов.

Из остатков нашего взвода вызвали человек шесть, привезли на стрельбище и выдали не по три патрона, как обычно, а по целой обойме. Зачем-почему, мы не знали. Подумали, что готовят к соревнованиям. Кроме начальника штаба полка, комбатов, некоторых команди-

ров рот и взводов, присутствовал незнакомый мне худощавый майор, лет тридцати, с орденом Красного Знамени. Наверное, какой-то начальник сверху. В общем, начальства толпилось больше, чем курсантов.

Скажу сразу, что из-за волнения стреляли мы все хуже, чем обычно. Я влепил пять пуль с завышением. Даже в девятку не попал. Легли они кучкой между восьмеркой и шестеркой. Очков тридцать пять или тридцать шесть набрал. Слабо! Лучше всех во взводе отстрелялся один парень из Удмуртии. Он был охотником и стрелял очень хорошо. Олег сумел попасть в девятку, восьмерку, а остальные пули ушли по закраинам мишени.

Майор с орденом и сопровождавший его лейтенант осмотрели наши попадания.

– Слабовато, – сказал майор. – Много вы так фрицев набьете! Руки, что ли, трясутся? Ты вот, боец, чего всю обойму раскидал?

Он обращался к Олегу, который всегда выделялся своей подтянутой внешностью, да и стрелял обычно неплохо.

– Больше тренироваться надо, – ответил уязвленный Олег. – Мы в нашем взводе только и делаем, что по лесу с деревяшками бегаем, а стрельбой почти не занимаемся.

Это был прямой выпад в сторону Елагина, да и остального полкового начальства. Пусть так, но это наше внутреннее дело, незачем жаловаться приезжему начальнику. Майор усмехнулся и пошел дальше по линии стрелков. А вечером в казарме кто-то презрительно высказался по адресу Олега.

– А что, я неправильно сделал, Ко лян? – обратился он ко мне за поддержкой.

– Можно было помолчать. Без тебя все знают, что стреляем мало. А ты свое «я» опять выпячиваешь, – резко отозвался я.

Олег растерялся. Остальные ребята поддержали меня, а один сказал:

– Ты бы лучше насчет жратвы пожаловался. Баландой с кислой капустой кормят и каши по три ложки.

В конце зимы кормежка действительно ухудшилась. Мы все ходили голодные. Даже в нарядах по кухне редко удавалось нормально подкормиться. Порции отмеряли строго.

– Еще один недовольный отыскался, – оборвал его Никита, командир отделения. – Сходи к комиссару, он тебе объяснит, что Великий пост начался. На Пасху набьешь пузо.

Перед отбоем Олег подошел ко мне:

– Не ожидал я от тебя, Колян.

– Чего не ожидал? Учить меня явился?

В принципе это была мелочь. Через пару дней мне приказали явиться в штаб, и я был зачислен курсантом снайперской школы. А Олег спустя какое-то время был отправлен с очередной группой ребят на фронт. Конечно, не из-за той реплики насчет стрелковой подготовки. Группы формировались и уезжали регулярно. Понесшая в сорок первом – сорок втором году огромные потери

Красная армия постоянно нуждалась в новом пополнении.

А в военное училище Олег не попал из-за того, что кто-то из его родственников отбывал срок по политической статье. Может, и несправедливо. Головастый парень. Но такое было время. Я жалел, что со мной не попал в школу Никита Лыков. Он и очков больше, чем я, выбил. Однако его оставили в пехотном взводе.

Это был обычный батальон, занимавший большую казарму, но назывался батальон солидно – «снайперская школа». Взводы и роты были меньше, чем в пехотных подразделениях. В моем втором взводе (опять второй!) было три отделения, по 9—10 человек в каждом.

Запомнилась речь начальника школы, того самого майора с орденом Красного Знамени. По слухам, он воевал в Испании, командовал батальоном под Москвой, имел ранения. Фамилия его была Улитин, и он сразу вызывал уважение. Во всяком случае, кличку «Улитка» никто

ему пристраивать не пытался. Он коротко и веско разъяснил первому набору курсантов, какую ответственную специальность мы получим.

– Хорошо подготовленный снайпер может нанести врагу урон больше, чем целый взвод и даже рота. Василий Зайцев уничтожил триста с лишним фрицев – целый батальон! Но вам предстоит много и упорно трудиться. Занимать позиции с ночи, часами лежать в снегу, на мокрой земле.

Потом выступал замполит школы, еще кто-то из командиров. Мы порядком устали слушать эти общие слова, так как наслушались их вдоволь. Но торжественная часть наконец закончилась, и нас повели в столовую. Обед был менее торжественным, чем речи. Обычные, может, чуть наваристее щи, гороховая каша с волокнами тушенки, горячий, слегка подслащенный чай.

Насчет питания, забегаю вперед, скажу, что, по моему мнению, оно было более калорийным, чем в других подразделениях. Впрочем, это могло мне казаться. Порой, после долгих занятий в поле и ночью и днем, завтракали мы отдельно. Вроде и каши доставалось больше. И сахара к чаю получали дополнительную порцию. Говорили, что для остроты зрения.

Если описывать подробно наши занятия, получится не слишком интересно. Остановлюсь на некоторых деталях нашей повседневной учебы. Первые дни мы, получив каждый свою боевую винтовку, привыкали к ней. Учились держать прицел, учитывать ветер, погоду, правильно давить на спуск. Стреляли холостыми патронами, которые выделяли только снайперам. В момент выстрела за нами внимательно наблюдал взводный или командиры отделений. Не дай бог, дернешься!

Потом пошли боевые стрельбы. В основном по 5—10 патронов в день. Спустя пару лет, уже в Германии, я разговаривал с пленным снайпером. На ломаном русском, показывая пальцами, он расскажет, что на двухмесячных снайперских курсах ежедневно, кроме воскресенья, расстреливал до сотни и больше патронов. Но весна 1943 года, даже после прославляемой каждый день победы под Сталинградом, была для нашей армии тяжелым временем.

В те дни, когда я начинал свою снайперскую учебу, по нашим войскам, прорвавшимся на запад на 400–600 километров, был нанесен сильный контрудар. Части Юго-Западного и Воронежского фронтов оставили в марте освобожденный Харьков, Белгород, часть Донбасса и отступили на 100 с лишним километров. Об этом сообщалось скупое, в обычной манере нашего Совинформбюро. Мы переживали отступление и понесенные большие потери. Так что спасибо и за те патроны, которые выделялись нам для тренировок.

Командиром взвода у нас был лейтенант Петр Федорович Чапыга. Плечистый, кривоногий, будто десять лет служил в кавалерии. Кстати, это он вместе с майором отбирал тогда кандидатов в снайперы. Глаз у него был наметанный, но тем не менее специфика снайперской «работы» вынуждала отчислять в пехоту то одного, то другого курсанта. И даже не из-за плохой стрельбы. Чапыга говорил так:

– Стрелять я вас научу. А вот тот, у кого шило в заднице и выдержки нет, снайпером не станет. Сумеете себя преодолеть или нет, зависит от каждого.

Запомнилось, что нас тщательно учили выбирать места для засады и две запасные позиции. Был оборудован целый снайперский полигон. Что-то вроде нейтральной полосы: неглубокие траншеи, искусственные воронки, бревенчатые завалы (как бы обломки домов), всякий хлам, что может быть на нейтралке. Два древних ржавых трактора, рама от грузовика, сломанные сеялки изображали подбитую технику. Мешки с сосновыми ветками и нарисованными крестами изображали трупы фашистов, пытавшихся атаковать наших славных бойцов, валялись в подтаявшем снегу. Деревянные пушки, какие-то обломки, остатки разбитых дзотов, столбы и кольца с обрывками ржавой проволоки – полигон сделали неплохой.

Метрах в шестистах тянулась извилистая условная полоса немецкой обороны. В один из первых дней, после тщательного изучения «нейтральной полосы», Чапыга, выстроив взвод возле траншеи, предупредил, чтобы высушили лучше одежду и обувь. Ночью предстоят уче-

ния. Каждой паре предстояло присмотреть основную позицию для стрельбы и запасную, вроде убежища.

Помню, меня озадачило, что снег был истоптанный, подтаявший, серый, а наши маскхалаты, хоть и застиранные, тоже далеко не белые, все же выделялись на фоне лысых проталин и грязного льдистого снега. Ночью мороз опускался градусов до пяти, зато днем уже разливались лужи. Я сказал об этом Чапыге. Тот усмехнулся, промолчал и приказал поторапливаться. Мы были разбиты на пары. Меня назначили напарником к светловолосому конопатому курсанту года на три постарше меня.

– Чего делать будем? – спросил я. – Мы же, как куклы, в белых нарядах, а там все серое.

– Лучше маскироваться, – подумав, ответил мой временный начальник. – И надо будет «танк» успеть занять. Самая надежная штука. Ни снаряд, ни мина не пробьет.

Я кивал, соглашаясь с ним. Танк – убежище надежное. Не то что бревна или разбитый грузовик.

Тут я увидел, что двое ребят катаются по грязному снегу, размазывают его по халатам. Я, не раздумывая, последовал их примеру. Еще трое или четверо тоже извальяли костюмы. Остальные не захотели стирать после учений испачканные маскхалаты.

– Обойдемся и так!

Нас подняли в три часа ночи. Быстро оделись, получили винтовки, правда, без патронов и вышли к полигону. Помню, что в тренировке участвовали двенадцать или тринадцать пар: «снайпер и наблюдатель». Мы с напарником успели добежать до трактора, прогнали двоих курсантов, пытавшихся лезть к нам.

– Во, бездельники, на готовое прут, – ругнулся мой конопатый командир.

Было очень темно. Мартовская холодная ночь, звезды, хрустящий снег. Мы пристроились под старым трактором НАТИ, в ямках, вырытых нашими предшественниками, даже присыпанных травой. Насчет запасной позиции мудрить не стали. Конопатый командир нашел окоп шагах в семи. Хватило, чтобы втиснуться вдвоем.

И потянулось время. Уже через полчаса я задубел, несмотря на теплую одежду: две пары белья, гимнастерка, плотная куртка, телогрейка и две пары байковых портянок в сапогах. Ощущение было такое, что лежу на снегу. А ведь это не первое занятие. Мы лежали и стояли в обороне по пять-шесть часов, и морозы поджимали куда крепче. Но разница была в том, что, будучи пехотинцами, мы топтались по траншее, переползали друг к другу, пихались, курили. А здесь лежи неподвижно, жди рассвета и высматривай цель.

Я дул на ладони, шевелил пальцами ног и со злостью думал – какого черта нас уложили за три часа до рассвета?! Мой временный командир тихо матерился.

Еще не развиднелось, когда со стороны «немецких позиций» взлетела красная ракета и, шипя, врезалась в мерзлый снег, метрах в семидесяти от нас.

– Эй, курилки! – услышали мы голос Чапыги. – Встать и бегом ко мне!

Кто там был справа, мы не знали, но поняли, что ребята закурили и их засекли.

– Мне долго ждать? – снова крикнул лейтенант.

Двое поднялись и побежали к Чапыге. О чем-то минут пять поговорили, и две фигуры направились в сторону траншеи, обозначавшей наш передний край. Вскоре там застучал лом, зашуршала лопата. Все ясно – эти будут чистить траншею, пока не закончатся учения.

Тем временем рассвело. Мы старательно наблюдали за нашим участком «немецких позиций». Лейтенант Чапыга сидел в полушубке и смотрел на трактор в бинокль. А может, и не на трактор. Мы замерли. Позорно, если нас заметят вторыми. Но лейтенант ничего не заметил, а я тщательно запоминал цели, которые могли стать нашими. Две фашистские морды, торчавшие по плечи из окопа, деревянная легкая пушка, такой же деревянный МГ-34, фанерные рожи артиллеристов и пулеметчика. В глубине возле дощатой стены застыла фигура часового. Наверное, «штаб». Но до него было метров восемьсот.

Из «штаба» вышли две фигуры, помощники Чапыги, и направились к траншеям. На одном была мышинного цвета немецкая шинель, второй – в кожаном плаще. Я мысленно отметил новую цель. До «немецкого офицера» с сопровождающим было метров семьсот. Они шли по ходу сообщения, остановились, а потом внезапно исчезли. Снова красная ракета. Еще пару снайперов зафиксировали, а значит, условно уничтожили. Мы были по счету третьими. Помощник лейтенанта махнул нам рукой.

– Топайте траншеи чистить. Инструмента хватит. – И подколот моего «старшего»: – А ты бы маскхалат мелом еще натер. Он у тебя и так белый, за версту видно, а подбеленный – за полторы засекут.

Мой временный командир молча сопел. Ему было стыдно, что поленился затемнить халат. Из всех курсантов остались незамеченными две пары. Двое ребят из Удмуртии, мелкие, похожие друг на друга охотники спрятались, вырыв нору в снегу. Еще одна пара хорошо замаскировалась в кустах.

Петр Федорович Чапыга объяснял наши ошибки. Те, кто закурил, получили по три наряда вне очереди.

– Мудаки! Вы бы лучше песню спели! Еще кому такая дурь в голову взбредет, отчислю в пехоту. Куряки, невтерпеж им стало! Я бы понял, если бы к бабе так рвались, как к этой махре вонючей. Смотреть не на что, а они сигарки в темноте раздувают.

– А вы совсем не курите, товарищ лейтенант? – переводя тему, спросил кто-то из ребят похитрее.

– Баловался, а в сорок втором бросил, когда в снайперы записали. Есть спецы, которые ночью специально на огоньки охотятся. Насмотрелся. А знаете, почему от одной спички трое не прикуривают?

– Двое в драку – третий в ср...ку, – тут же брякнул один из нас.

– Сам ты ср...а! Про Англо-бурскую войну слышали?

– Чего-то слышали.

– Я «Капитана Сорви-голова» читал, – выкрикнул я. – В Южной Африке крестьяне-буры за свободу дрались. Метко лупили.

– Ну не совсем крестьяне, – поправил меня Чапыга. – Фермеры. Из негритосов кровь сосали будь здоров. Но стреляли прилично. Даже поговорка такая была. Англичанин прикуривает, спичка зажглась – бур увидел. Второй англичанин прикурил – бур прицелился, третий прикуривает – бур нажимает на курок. И все. Промахивались они редко. А вы чего под трактор полезли?

Неожиданный вопрос был обращен к нам с напарником.

– Хорошее укрытие, – ответили мы. – Разве не так?

Чапыга объяснил, что подбитые танки – укрытие хорошее. Когда не один и не два. А одиночный танк или два – всегда под прицелом у фрица. Если уж рискнул, то сиди неподвижно. Выстрелил и сразу уползай, особенно если танк недалеко от немца находится. Забросают зажигательными, дымовыми минами. Выкурят и добьют.

Лейтенант похвалил обоих удмуртов, что выбрали место, в глаза не бросающееся, и лежали терпеливо. Имена у обоих были какие-то старомодные. Одного звали Парфен, другого что-то вроде Флегонта. Ну, мы его Федей называли.

Стрелки были первоклассные. На восемьсот метров с первого выстрела грудную мишень снимали. С обоими я пробыл в снайперской школе до августа и убыли вместе на передовую.

Кстати. Во время одного из перекуров Чапыга разъяснил, по каким признакам отбирали снайперов.

– Вот ты, Першанин, очков с гулькин хрен набрал. Но это, может, и не твоя вина. Винтовки абы как пристреляны, да все подряд из них пуляют. Зато пять пуль уложил хоть и с завышением, но в кучку. Значит, рука твердая и глаз хороший.

Я, довольный, заулыбался, а Чапыга отмахнулся.

– Ты слишком не гордись. Стрелять-то вы кроме Федора да Парфена толком еще не умеете. Ничего, научим.

Оба удмурта, похожие друг на друга, как близнецы, хоть и не братья, невозмутимо курили короткие трубочки. На похвалы не реагировали.

Учеба была напряженная. Помню, я все время страдал от недосыпания. Особенно тяжело было лежать на позициях и выжидать цель. В июне в наших краях дожди, бывает, днями напролет шуруют. Лежишь в луже, затвор винтовки прикрываешь и ловишь цель. Учения уже шли со стрельбой.

Что еще вспоминается из той учебы? Как учили маскироваться. Сержант идет мимо, как наступит сорок пятым кирзовым на лодыжку, аж вскрикнешь. А он нотацию читает, что плохо слушаем наставления, ленимся поглубже зарыться, грязи боимся, а лоб под пулю подставить не жалко. С месяц тренировались стрелять с оптикой. Выстрелов по сто сделали. Больше не удалось. Винтовок с оптическими прицелами не хватало.

Насчет стрельбы у большинства неплохо получалось. Обсуждая будущую тактику, Чапыга не уставал повторять:

– Маскируйтесь лучше. Выстрел – это тьфу! Промазал, и хрен с ним, с немцем. Завтра подстрелишь. А вот себя сохранить – важнее. Про самолеты никогда не забывайте. Фриц из траншеи тебя, может, и не видит, а сверху, если не замаскируешься – весь, как на ладони.

Мы рвались на фронт. Ну а если не на фронт, то как можно больше стрелять. Поражая мишени за пятьсот, восемьсот метров, мы ощущали себя настоящими снайперами. К сожалению, погоня за меткой стрельбой, соревнования, борьба за очки отодвигали от нас более важные вещи. Те, о которых говорил лейтенант Чапыга.

Уже на фронте и после я вспоминал стрелковые кружки, борьбу за звание «Ворошиловский стрелок». Цепочка подростков в вельветовых курточках, модных перед войной, подставки с песком и хлопанье малокалиберок. Восемьдесят семь очков – девяносто два – девяносто пять. Ура! Разве дали бы нам немцы спокойно их отстреливать, если бы мы не зарывались в землю, камни, в гущу кустарника! Да и уползать как можно быстрее после выстрела надо. Фрицы засекли снайперов быстро, а уйти от минометного огня ох как не просто.

В июле простился со своим земляком Никитой Лыковым. Он забежал ко мне на полчаса. Передал короткое письмо своей матери. Настроение, в отличие от многих других ребят, у него было подавленное. У Никиты пропали без вести отец и старший брат. Он был средний, а младшему исполнилось семнадцать.

– Побьют нас всех, Лыковых! – сказал он. – Кто думал, что такая страшная война будет?

– Радовались, дураки, в сорок первом, – отозвался я. – Шапками немца закидаем. А два года прошло, все на месте топчемся.

Вот бы досталось нам, услышь кто такие «пораженческие» разговоры! Особый отдел, как и везде, у нас не дремал. Но не скажу, чтобы сильно прижимали. Всякие разговоры пресекали, стараясь не выносить сор из избы. Ограничивались строгими беседами, обсуждением на комсомольских собраниях.

– У нас в селе, кто ушел в сорок первом, все погибли или без вести пропали, – говорил Никита известную мне истину. – Один без руки вернулся, другой контуженный, трясется весь, даже воды не может сам попить. Сплошное вранье кругом! Бьют нас фрицы, как хотят.

Мне очень не понравилось настроение Никиты. Нельзя с таким настроением на фронт идти. Пытался его успокоить. Но мой дружок был весь взвинчен. А может, убедил себя, что погибнет в первых боях. Говорят, есть такое предчувствие. Попрошался я с Никитой, долго переживал. Потом разговор забылся. Предчувствия Никиты не сбылись. Он дослужился до старшины и после тяжелого ранения вернулся в конце сорок четвертого года домой.

Это я узнал после войны. А нас уже самих готовили на фронт. Свои переживания в голове вертелись. Ребята достали самогона. Скинулись, кто что мог: деньги, портянки новые, подковки для ботинок, мыла кусок. Отрядили в ближнее село двоих ребят побойчей. Принесли бутылки четыре самогона, вареной картошки, огурцов, домашнего ржаного хлеба (как я его любил и вспоминал на войне!) и вечером, после отбоя, отделением отметили окончание учебы. Впереди был фронт. Что это такое? Никто из нас не представлял.

Когда я в августе 1943 года вместе с очередным пополнением прибыл в 295-й стрелковый полк и был определен рядовым бойцом в первый взвод восьмой роты, никто не обратил особого внимания, что прибыл выпускник снайперской школы. Во-первых, снайперских винтовок не хватало, да и были ли в полку снайперы, я толком не знал.

Получил, как и остальные, трехлинейку, сменившую несколько хозяев, противогаз, саперную лопатку и «смертный» медальон-карандаш, в который, как и большинство солдат, никаких писем и данных о себе вкладывать не стал. Считалось плохой приметой. Уже заканчивалась знаменитая Курская битва, и наши войска вели контрнаступление.

После тяжелых июльских боев полк недели две стоял на переформировке. Меня поразило, что во взводе всего тринадцать бойцов. В роте было чуть больше сорока вместо положенных ста двадцати. Задавать дурацкий вопрос «Где остальные?» я не стал, только вспомнил Никиту. Не зря он таким подавленным уходил.

Пополнение, человек пятнадцать, состояло в основном из таких сопляков, как я. Группой пришли человек шесть, уже побывавших в боях, вылечившихся раненых из госпиталей. Встретили нас всех неплохо, но двое-трое «старичков» не скрывали злорадства, особенно когда узнали, что мы пробыли в учебном полку по шесть-восемь месяцев.

– Отоспались, отожрались, – не скрывая злости, брюзжал один из солдат, худой, весь какой-то скрюченный. – Теперь посмотрим, как от немцев бегать будете.

– С тобой, что ли, за компанию? – насмешливо оборвал его высокий крепкий ефрейтор, лет двадцати пяти. – Хлебало-то прикрой, а то помогу.

«Крючок», так я окрестил его, полез ко мне, как к одному из самых молодых.

– Гля, ремень новый! Давай махаться.

И схватил меня за добротный ремень. Я без особого усилия оторвал его худую ручонку и отпихнул. Крючок отлетел метра на два. Со мной ему было не тягаться. Но, хотя я чувствовал свою правоту, меня не поддержали.

– Ты, сопляк, руку на фронтовика не поднимай, – мрачно посоветовал мне боец с автоматом ППШ. – Пока ты неизвестно где груши околачивал, Семен с фашистами воевал.

Мне стало не по себе. Но пришел командир взвода, старший сержант Шишкин, и прекратил свару. Расспросил вновь прибывших, кто откуда, воевал или нет, и распределил по отделениям. Интересный мужик Василий Иванович Шишкин. Полная противоположность своему героическому тезке – Чапаю. Несмотря на неполные тридцать лет, лысый, со светлым пушком за розовыми ушами. Лицо круглое, тоже розовое, и видать, что по характеру добродушный, хотя потребовать умел. На выцветшей гимнастерке – медаль «За отвагу», белый подворотничок.

Мы же, после двух суток пути на эшелоне и трехсуточного марша по пыльным раскаленным дорогам, были серые от пыли. Нам дали два часа постираться, побриться, почистить сапоги и ботинки. В общем, привести себя в порядок. После этого накормили супом с пшенкой и кусочками мяса. Хлеба получили вволю. Помню, что я смолотил едва не половину двухкилограммовой ржаной буханки. Оголодал в дороге. Вечером перед нами выступили командир роты и замполит батальона.

Мы устали, и слова о победоносном наступлении наших войск доходили до меня, как сквозь сон. Наконец нас отпустили отдыхать. Спали мы в землянке на нарах, хорошо присы-

панных сеном. Помню, накрылся шинелью, так и проспал до подъема. Только ночью сбегал разок на двор после литра выпитой воды.

С неделю мы еще простояли на переформировке. Численность роты довели до восьмидесяти человек. Прислали двух новых командиров взводов, обоим лет по девятнадцать, закончили курсы младших лейтенантов. До этого в роте был всего один офицер, капитан Черкасов. Первым взводом по-прежнему оставили командовать старшего сержанта Шишкина. По слухам, Черкасов ценил и уважал его, добивался офицерского звания, но пока не получалось. Требовалось пройти курсы, а капитан Василия Ивановича от себя не отпускал.

Усилили вооружение. Теперь в роте имелись два противотанковых ружья и два станковых пулемета. Автоматов по-прежнему не хватало. В нашем взводе их было всего штук пять. В одну из ночей, проделав пятнадцатикилометровый марш, вышли к рассвету на передовую. Заменили обескровленный в боях полк, заняли траншеи. И хотя они были достаточно глубокие, нам дали приказ окапываться, ровнять воронки от снарядов. Утром я с любопытством разглядывал покатое невспаханное поле. Две сгоревшие «тридцатьчетверки», какой-то танк помельче, разметанный сильным взрывом, и серые бугорки среди травы. Тела наших погибших солдат. Их было много. Помимо воли стал их считать. Дошел до сорока и бросил. Стало тоскливо. А когда ветерок подул в нашу сторону, меня едва не вывернуло наизнанку от густого сладковатого смрада разлагающихся на жаре тел.

До немецких позиций, на гребне холма, было метров семьсот. В нашем отделении числился и крючковатый Семен, с которым у нас получилась стычка. Сейчас мы оба про нее забыли. За эти дни я подружился с Федей Маловым. Оказалось – земляки. Он жил на станции Рузаевка. Это километров двести от моего села Чамзинка. Для фронта не расстояние.

Федор был рослым широкоплечим парнем, а прозвище носил словно в насмешку – Малой. Мне он напоминал старшего брата Федю, воевавшего под Ленинградом. Оба мы с земляком были одного возраста и, если называть вещи своими именами, сопливыми новобранцами. С той лишь разницей, что я проходил подготовку в учебной части семь с половиной месяцев, а Федор – три.

Командир нашей восьмой роты, капитан Черкасов, был для меня, деревенского мальчишки, недостижимой величиной. Меня он, казалось, вообще не замечал, а хотелось, чтобы капитан задал несколько вопросов, и я бы рассказал, что окончил окружную снайперскую школу на «хорошо» и «отлично». И стреляю, наверное, получше, чем этот скрюченный Семен. Но ротный на меня внимания не обращал и, как показалось мне, был высокомерным мужиком.

Чем запомнился первый день на передовой? Минометным обстрелом, который, по словам Шишкина, немцы открывали при любом движении в наших траншеях. Мины с воем летели из-за холма и довольно точно накрывали траншею. Рота, восемь десятков бойцов, занимала полосу шириной с полкилометра – редкая цепочка с двумя станковыми и тремя ручными пулеметами. На «встречу» вновь прибывших немцы мин не пожалели. Выпустили сотни полторы и заткнулись, когда по ним ударили наши тяжелые минометы. Страху за эти полчаса я натерпелся вдоволь. Казалось, каждая мина летит в тебя. В нашей роте один боец был тяжело ранен, двое – легко.

Легко – так объяснил Шишкин. Но с этим словом я был не согласен. Бойцов вели под руки санитары, и были они сплошь в крови. Пятна выступали сквозь повязки, гимнастерки. У одного, словно овечьими ножницами, было изорвано в лохмотья голенище кирзового сапога. Он коротко и бессвязно вскрикивал. Что-то вроде «мама, больно!». Тяжелого пронесли на самодельных носилках. Он молчал, и рука свешивалась вниз. Ее поправляли, но рука упрямо сползала.

Я узнал, что такое «лисыя нора». Узкая щель, вырытая в передней стенке окопа и углубленная ниже дна. Говорили, что она дает шанс выжить, даже если мина упадет в окоп. В этом я сомневался. Если мелкая, калибра 50 миллиметров, то, может, и выживешь. А восьмидесятимиллиметровка, пожалуй, с землей смешает. Но надеяться на что-то хотелось.

Где-то севернее катилось на запад наступление, начатое на Курской дуге. Основная часть войск была переброшена туда. Поэтому такой редкой была наша цепь, один солдат или сержант на пять-семь метров. Правда, боеприпасами мы были обеспечены хорошо. От прежнего хозяина окопа мне досталась цинковая коробка, где россыпью и в картонных просмоленных пачках лежали штук сто пятьдесят патронов и две гранаты РГД-42. Еще сотню с лишним патронов и четыре таких же гранаты мне выдали позавчера утром. Я взял бы и больше, но на меня навьючили две коробки с пулеметными лентами, которые за два дня так оттянули руки, что пальцы сгибались.

Часов в одиннадцать принесли сразу завтрак и обед, уже по фронтовой норме. Наваристый суп с макаронами, пшенную кашу со свининой, чай, сахар и хлеб. Голод меня не отпускал. Я съел все. Снова потянуло на сон, но Шишкин приказал мне занять пост и указал ориентиры. Слева подбитый танк, справа – большой пучок смятой в кучу колючей проволоки и обломков кольев.

– Следи внимательно. Если немцы в своей траншее зашебуршатся или шум моторов услышишь, сразу докладывай. Заснешь – пеняй на себя! Здесь фронт.

– А если немец появится – стрельнуть можно?

Шишкин с минуту подумал.

– Как хочешь. Вообще-то комбат приказывал проявлять боевую активность. Но с такого расстояния все равно не попадешь.

Я так и не понял, стрелять мне или не стрелять. Федя Малов крутился возле меня и горячо советовал:

– Бей сразу. Особенно если офицер появится.

– Без оптики не попаду, – сказал я. И честно признался: – Да и с оптикой расстояние слишком большое. Вряд ли получится.

Кривой Семен, услышав наши разговоры, погрозил мне маленьким грязным кулаком:

– Не вздумай палить. Ни в кого ты не попадешь, снайпер хренов, а мы в ответ полсотни мин получим.

Я не стал спорить. Сплюнул себе под ноги и, зарядив винтовку, принялся наблюдать за немецкой траншеей. Подошел командир нашего отделения Асхат Абдулов. Мы с ним уже познакомились, когда пополнение распределяли по взводам. Постоял со мной минут двадцать. Рассказал, что в селе под Чистополем у него остались двое сыновей. Один родился уже после ухода на фронт.

– А у тебя, Николай, дети есть?

Я засмеялся.

– Какие дети? Я в семнадцать в армию ушел.

Получилось с оттенком хвастовства. Доброволец – герой! Но Абдулов сказал, что я смелый парень.

– Какой там смелый, товарищ сержант.

– Не надо «сержант». Асхатом меня зови. И голову сильно в одном месте не высывай. Снайперу попадешь на прицел. Или из крупнокалиберного даст, ахнуть не захочешь.

Наверное, сержант хотел сказать «не успеешь», но не смог подобрать нужное русское слово. Достал из кармана и показал увесистую пулю размером с обрезок толстого карандаша. Я подержал ее в руках. Тяжелая.

– Рядом с головой ударила. Из земли выкопал.

Я хотел продолжить разговор с Абдуловым насчет снайпера, но татарин, ободряюще кивнув, пошел дальше.

Хороший мужик, душевный. Сколько ему лет? Может, года на четыре старше, а уже двоих детей имеет.

Немецкая траншея шевелилась, жила своей жизнью. Высовывались каски, раза три начал молотить пулемет. Ничего особенного. Я сдал свой пост и терпеливо ждал ужина и махорки, но вместо этого получил взбучку от ротного. Когда Черкасов быстрым шагом проходил мимо, я, как положено, встал. Капитан отрывисто спросил:

– Фамилия?

– Красноармеец Першанин.

– Чем занимаетесь, Першанин?

Я чуть не брякнул «отдыхаю», но вовремя сообразил, что какой может быть отдых посреди дня. Я же не разведчик, который с ночной вылазки вернулся.

– Да вот, патроны протираю. Винтовку почистил.

Капитан покосился на цинковую коробку с моим боезапасом и выдернул из руки винтовку. Я был спокоен, винтовка была хорошо почищена и смазана. Но капитан проверил предохранитель и рывком передернул затвор. Из казенника вылетел патрон, который я загнал еще на посту.

– Тебя чему, недоделок, полгода учили? Жить надоело или кому-то брюхо решил прострелить? Патрон в патроннике, предохранитель снят! Ты атаку готовишься отражать? Мало у нас самострелов и смертельных случаев из-за разгильдяйства!

На меня посыпался отборный мат. Потом капитан обернулся к Шишкину.

– Разберись с дураком! – и, обматерив меня напоследок, ушел.

Шишкин и Абдулов помогли мне аккуратно вложить обойму в магазинную коробку, поставить оружие на предохранитель и терпеливо, по очереди, объяснили, какому риску я подвергал себя и окружающих.

– Достаточно случайно зацепить крючок – и сразу выстрел, – махал перед моими глазами пальцем старший сержант Шишкин. – В первом батальоне в прошлом месяце такой же раздолбай дружка наповал уделал.

Только мозги посыпались. Даже если себе руку или ногу прострелишь, как минимум в штрафную роту угодишь. Самострел!

Абдулов, в свою очередь, рассказал пару подобных историй и назвал меня раззявой.

– Я думал, ты серьезный парень, комсомолец, а ты!

Он безнадежно махнул рукой. Не оставил мою промашку без внимания и кривой Семен. Тот заставил проверить запалы у гранат. Федя Малов меня успокаивал, но настроение было крепко испорчено. Капитан Черкасов, такой видный офицер, с орденом Красной Звезды, а ругается как сапожник.

Но все быстро меняется. Вскоре все забыли про мое злосчастное упущение, а я, заметив капитана, старался отвернуться. Мог бы и по-человечески сделать внушение, без оскорблений. Сапожник! Как мало тогда я знал, что такое война.

Летний день тянулся бесконечно долго. Я уже хорошо представлял наши позиции, и они казались мне слабыми. Немец наверху – из траншеи не высунешься. Штаб и тылы полка располагались в раскидистой степной балке, в километре за нашими спинами. Из этого километра половину расстояния представляла выгоревшая за лето степь, испещренная воронками разного размера. Меня поразило обилие куч человеческих экскрементов, буквально за линией траншеи. Здесь же, как на свалке, валялись пустые консервные банки, какое-то спекшееся тряпье. Федя Малов поймал мой взгляд:

– Свинство какое-то.

А я почувствовал резь в животе. Только куда идти? Семен, мой сосед по траншее, подбодрил меня:

– Плохо воняет? А ты вылезь, если приспичит. Если за десять секунд управишься, может, и выживешь.

Я решил терпеть и подумал, какой дурак загнал нас в эту низину, которую наверняка заливают во время дождей. Нет бы зацепились за ту гряду, шагах в пятистах позади, если высоту взять не осилили. Справа от нас тянулся сверху вниз глубокий, поросший терновником овраг.

Он шел от немцев и, говорят, был сплошь заминирован. За оврагом держала позицию уже другая дивизия.

Через час терпеть стало невозможно, и Семен посоветовал:

– Иди, сходи вон в тот окоп. Сделаешь дело, и лопаткой за бруствер выбросишь.

Я послушался его совета, и через четверть часа вернулся довольный. Моему примеру последовал и Федя Малой. Семен удовлетворенно кивнул и сказал, что стариков надо слушаться.

– А сколько же тебе лет? – спросил я.

– Когда война началась, двадцать четыре исполнилось. В августе призвали. Вот уже три года. А на войне год за три идет. Выходит, тридцать в сентябре стукнет.

Семен и правда выглядел старше своих двадцати семи лет. Лицо морщинистое, проплешина на макушке. Худой, с тонкими руками. Рассказал, что родом из Куйбышевской области, имеет сына и дочку. Был четыре раза ранен. Один раз тяжело, в живот, пролежал всю прошлую зиму в госпитале. Хотели списать, а потом явилась комиссия сверху и всех выздоравливающих – хромых и кривых – зачислила в симулянты.

– Всех на фронт отправили, кроме безногих да безруких. Даже одного свихнувшегося, – со злым смешком отозвался Семен. – Вот он им навоюет!

На гимнастерке Семена были четыре ленточки за ранения и ни одной медали. Рассказал, что убил шесть немцев, а в роте остался единственным, кто воюет с сорок первого года. Ну, еще тыловики да обозники, может, трое-четверо в полку осталось. После операции на кишках ест жидкое, черный хлеб понемногу. Очень помогает водка, но сейчас ее не выдают. И села поблизости нет, чтобы на чего-нибудь обменять.

– Менять-то на что будешь? – спросил Федя. – На дырявые портянки?

– А это не видел?

Семен приподнял один и второй рукав гимнастерки. На запястьях левой и правой руки поблескивали трофейные немецкие часы. Часов у меня отродясь не водилось.

У нас в деревне председатель колхоза да директор школы часы имели. Карманные.

– Подарил бы, – вырвалось у меня.

– Может, и подарю, – ответил Семен. – Посмотрю, что ты из себя представляешь.

Между тем мой первый день на передовой подходил к концу. Уже темнело. Очень хотелось есть, но ужин ожидался не раньше десяти часов. По светлomu к нам старшина и тыловики не рискуют пробираться. Меня снова поставили на пост.

– Ночью Першанина и Малова не ставь, – слышал я разговор взводного Абдулова. – Заснут к едреной матери или пальнут с перепугу в кого-нибудь.

Мне стало обидно. Я честно отстоял два часа, всматриваясь в сгущавшуюся темноту. А ужина мы так и не дождались. Оказалось, что тыловики, тащившие нам термосы с кашей и хлебом, попали под минометный обстрел. Кого-то убили, кого-то ранили. Несколько человек пошли вытаскивать пострадавших, а меня оставили в траншее. Стой и смотри! Лег спать уже поздно на голодный желудок, да и пить хотелось невыносимо. Но заснул быстро.

Так закончились мои первые сутки на передовой. И мины стороной пролетели, и капитан Черкасов отmaterил за ротозейство, и без ужина все остались. Зато живой!

Последующие дни сталкивали меня с разными, но, как правило, страшными сторонами войны. Я увидел первых погибших у меня на глазах людей. Ребят из нашего взвода. Во время одного из минометных обстрелов, которыми нас потчевали регулярно, восьмидесятимиллиметровая мина влетела в пулеметный окоп. Мы прибежали туда минут через пять, когда огонь начал стихать. Первый номер «максима», сержант лет тридцати, был разорван буквально на куски. Обе ноги срезало по колено, одна рука изжевана, смята. Гимнастерка и живот под ней были разорваны. Внутренности лежали на коленях и страшными скользкими обрубками висели на бруствере. Второму номеру досталось немногим меньше. Он еще дышал, но весь изрешеченный осколками, тоже с исковерканными ногами, умер, когда мы начали его бинтовать.

Пулемет с искореженными рукоятками, казенником, отбросило метра на три, и он лежал на отбитом колесе, нелепо задрав острое рыльце вверх. Из пробитого кожуха с журчанием вытекала вода. Тела погибших завернули в плащ-палатки и перенесли в сторону. Ротный приказал почистить окоп и перенести сюда один из «Дегтяревых». Позиция считалась важной. Метрах в семидесяти шел овраг, тянувшийся от немецких позиций. Несмотря на обилие мин, всегда можно было ожидать, что немцы, сделав проход, выйдут по оврагу к нам в тыл.

– Абдулов, передвинь отделение правее. Ближе к оврагу.

– Будет сделано.

У ротного были красные выпученные глаза. Наверно, хватил стакан. Он посмотрел на меня:

– Снайпер? Трясешься – возьми винтовку и убей фрица. Как они наших.

– Без оптики не достанешь, – угрюмо отозвался я.

Меня задело, что капитан ни за что опять унижил меня.

Слово «оскорбил» я тогда не знал. Добродушный Абдулов потрепал меня по плечу.

– Все нормально. Занимай вон тот окоп. Капитан выпил лишка.

Я перетащил свое барахло в новый окоп, который мне не понравился. Здесь тоже кого-то убили или ранили. Валялись бурые спекшиеся комки бинтов и ваты, я разглядел темное пятно на дне и сровнял дно лопаткой. Потом углубил лисью нору, а из головы не шли изуродованные тела моих товарищей.

На этой же неделе пришел замполит батальона и торжественно объявил, что нашими войсками освобожден Харьков. Мы уже об этом знали, но вяло прокричали «ура». Замполит любил поговорить и, хотя слыл мужиком неплохим, утомлял нас своими речами. Войдя в раж, порой по часу клеймил фашистов и перечислял наши бесчисленные победы, особенно в Курской битве. Но солдатское радио уже донесло до нас и о Прохоровке, где застыли сотни сожженных «тридцатьчетверок», и о полях, где разлагающиеся трупы лежали тысячами, а их не успевали хоронить.

Так что особого восторга мы не проявляли. И как ни странно, все с нетерпением ждали наступления. Вроде и участок относительно тихий. Потери не слишком великие, которые сразу возрастут, когда мы двинемся вперед. Немец без большой крови свои позиции не отдавал. Но замполит, с новеньким орденом Отечественной войны (это кроме Красной Звезды), толком насчет наступления не сказал и призвал крепить боеготовность.

А я, выполняя приказ, или пожелание, ротного, с семисот метров выстрелил по высунувшемуся из траншеи немцу. Конечно, не попал. Фрицы ответили пулеметными очередями и дежурной порцией мин. Шишкин посоветовал больше не стрелять, а Семен обругал меня:

– Хочешь с оторванными яйцами валяться?

– Ротный приказал, – со злостью отозвался я.

– Ротный стакана два на грудь принял и спит в своем блиндаже. Его миной не достанет.

Однажды целую ночь шел дождь. Мы промокли, как цуцики, в две землянки набивалось человек двадцать. А взвод уже укомплектован до тридцати с лишним человек. Шишкин, про-

явив неожиданную злость, половину людей из землянок выгнал. Кто-то замешкался и получил от старшего сержанта пинок.

– Чаво ты, как бешеный, – бурчал голос из темноты.

– Чаво, чаво! Мина влетит, и десять трупов, – выругался в сердцах Шишкин.

Пришло еще пополнение. Два узбека и русский парень из освобожденной Белгородской области. Пополнение оказалось паршивым. Узбеки косили, что ничего не понимают по-русски, винтовки держали, как палки, и о чем-то быстро перешептывались друг с другом. Ночами оба мерзли и команд не понимали. Когда один из них уснул на посту, Абдулов обругал его и приказал:

– Клади винтовку. Пойдешь в обоз. Ишаков запрягать умеешь?

– Умею, умею, – кивал тот, лихорадочно затягивая мешок.

– А, сука, понимаешь по-русски! – Семен пнул прижухшего бойца. – Жить хочешь? Плов с урюком жрать! А мы, значит, не хотим?

Узбеки поняли, что под дурака свалить не удастся, и стали понимать команды. А парень из Белгорода, фамилии не помню, смертельно боялся минометных и артиллерийских обстрелов. Он рассказывал, что несколько раз попадал под страшную бомбежку, погибли соседи, дедушка. Его самого едва откопали.

– Жалко дедушку? – насмешливо поддел его Семен.

– Жалко!

– И сколько лет ему было?

– Семьдесят с чем-то.

– А Кольке Першанину и Федьке Малову – по восемнадцать. Каждый день башкой рискуют, как и все мы. И пулеметчикам, которых миной разорвало, не больше тридцати было. А он панихиду по дедушкам-бабушкам завел.

К белгородцу прилипла кличка Бабушка. В общем-то, он был старательный парень, но пережитый или врожденный страх сделали его никудышным солдатом. Бабушка нырлял в лисью нору при первом звуке летящей мины и боялся высовывать голову из траншеи, даже когда стоял на посту и обязан был наблюдать за происходящим.

Ну, что еще вспоминается в первые недели? Я постепенно привыкал к передовой, хотя по-прежнему боялся мин. Пережил артиллерийский обстрел. Немцы сыпали увесистые снаряды на противотанковую батарею, расположенную метрах в двухстах за нами. Батарея была хорошо замаскирована и закопана в землю, но немецкая «рама» ее все равно засекла. Фрицы обрушили на единственную противотанковую защиту батальона огонь из гаубиц калибра 105 миллиметров.

Снаряд этой штуковины, величиной с хорошее полено (я видел потом один неразорвавшийся) и весит почти пуд. Ребятам досталось крепко. Два орудия были разбиты, одно – повреждено. Погибли четырнадцать артиллеристов и два бойца из седьмой роты. Ребята насчитали почти сотню воронок. Гады-фашисты, откуда столько снарядов берут? Наша гаубичная батарея выпустила два десятка снарядов в ответ, а нас отрядили помогать артиллеристам хоронить погибших.

И хотя была ночь, командир батареи приказал дать три залпа из карабинов. Не думайте, сволочи, что до смерти нас испугали. Немцы лупанули по вспышкам из пулеметов, повесили несколько световых ракет. Мы пересидели их стрельбу в воронках и отправились к себе. Ничего, гады! У нас противотанковые ружья есть, гранаты, бутылки с горючкой. Плюс мины. Суньтесь только!

Но фрицы не сунулись, а вскоре мы перешли в наступление. Через позиции перевалили танки и двинулись вперед. Тяжелые КВ, «тридцатьчетверки» и легкие БТ и Т-26. Следом поднялась и пошла пехота. То есть мы.

Думаю, если бы нас кинули в лобовую атаку вверх по склону, от батальона мало бы что осталось. Но немцы, боясь попасть в клещи, ночью отступили, оставив небольшой заслон, который к рассвету тоже испарился. Первую и вторую линии мы взяли почти без потерь. На минах подорвались два танка, но не сгорели. Экипажи остались ремонтировать порванные гусеницы. По-глупому, у меня на глазах, погиб боец из нашей роты. Полез в блиндаж. Успел только ручку дернуть. Шарахнул приглушенный взрыв, отбросив массивную, расщепленную взрывом дверь, которой накрыло бойца. Мы увидели дергающееся тело с оторванной по локоть рукой, пробитое десятком осколков.

Целый день шли без остановки. Два коротких привала. Гречневая каша и консервированная американская колбаса. Я такой штуки ни разу не пробовал и с удовольствием умял полбанки, выданной нам с Федей на двоих. Над головой плыли группами по девять-двенадцать штук бомбардировщики. Истребители, стремительные и остроносые «яки», пронеслись, снижаясь почти до земли. Нас обгоняли «студебеккеры», с орудиями на прицепе, небольшие полугрузовые «виллисы». Некоторые везли на прицепах легкие «сорокапятки» и минометы. А если учесть, что танки с десантом вперед прошли... Во, силища!

Спали часа три, прямо на земле, завернувшись в шинели, потом снова шли и все явственнее слышали буханье взрывов. Передовая! Мой первый бой.

Немцы закрепились опять на бугре, среди полуразбитых хат украинской деревеньки. Сады, множество яблонь и груш, среди которых терялись белые мазанки с соломенными крышами и маленькими окошками. Деревеньке повезло, фашисты сжечь ее не успели, за исключением нескольких домов – слишком быстро передвигались наши передовые части. Но перед деревней танки угодили в засаду.

Две «тридцатьчетверки», обе без башен, полыхали вовсю. Третья вела огонь с места. Повредило ходовую часть. За танками, рассыпавшись по канавам и овражкам, залег десант. Уцелевшие танки отошли и стреляли по непонятным мне целям в деревне.

Наша рота тоже залегла. Последовала команда окапываться. Но земля была такая твердая, что саперные лопатки лишь скребли поверхность. Тогда мы тоже стали расползаться по ложбинам. Федя и я залезли в канаву и, стараясь не поднимать пыль, нагребли небольшой бруствер. К нам перелез Семен и стал сворачивать самокрутку. Подбитый танк стоял метрах в трехстах от нас и продолжал стрелять.

– Сейчас они его уделают, – хладнокровно сообщил Семен. – И бежать ребятам нельзя. Танк ведь не горит.

Накаркал! Сильный взрыв встряхнул «тридцатьчетверку». Машину развернуло от удара. Двое танкистов выскочили и, пригибаясь, нырнули в воронку. А над моторным отделением поднимались огоньки коптящего пламени. Вскоре танк запылал. Внутри глухо ахнуло несколько взрывов, но башня осталась на месте. Наверное, снарядов мало оставалось.

– Вот уж куда бы не пошел, так в танкисты, – рассуждал Семен. – Живьем горят.

– Зато в пехоте сладко, – поддел его Федя Малов. – Сам говорил, что один в роте с сорок первого остался.

– Везде хреново! – ожесточенно затушил самокрутку Семен. – Гонят, как скотину на убой.

– Землю свою освобождаем, – вмешался я.

– Не хрена было рот разевать! На границе все знали, что немец нападет, а чего-то ждали. Полководцы! Глянули бы вы, что в сорок первом творилось! А в сорок втором, под Харьковом? Вся степь усеяна брошенными машинами и повозками. Удирали, только пятки сверкали, а теперь корячимся, назад землю отбираем.

Ударила наша артиллерия. Стреляли гаубицы. Впереди поднимались фонтаны земли. Шишкин, с окровавленной щекой, обежал цепь и сказал, что двигаемся вслед за танками. По свистку.

– Кто отстанет, ротный обещал лично пристрелить. Раненых не подбирать. Есть санитары. И не ложиться. Ляжешь – гибель.

Из-за рощи двинулись танки. Они быстро набирали скорость, изредка останавливаясь и стреляя на ходу. Отставая от них, что-то крича, бежал десант. Поднялись наша и седьмая рота. Я еще не осознавал, что это атака, в которой чаще всего и убивают. Прибавляли бодрости танки и десант. Хотя нам доставалось поменьше, ударили из пулеметов и по нашим ротам.

– Ур-ра! За Сталина!

Да, так мы кричали. И матерились, и орали что-то еще, гася в себе страх. Мы с Федей бежали рядом, позади – Бабушка.

– Чего прячешься? – обернулся, тяжело дыша, Малов. – А ну, вперед!

И хотя Федя был рядовым пехотинцем, как и Бабушка, тот послушно вырвался вперед. Господи, как он боялся! По мертвенно-бледному лицу текли крупные капли пота, он задыхался, но продолжал бежать. Наверное, человек чует свою смерть или тяжелое ранение. Проживший в оккупации два года, работавший на каком-то заводе, чтобы прокормить семью, и подозреваемый особым отделом во всех грехах, белгородец честно бежал в цепи.

Не ложился, хотя вокруг уже падали бойцы. Одни лежали неподвижно, другие кричали, звали санитаров.

Белгородца сбило на наших глазах. Подламываясь, он повалился, как тряпичная кукла. У парня были перебиты обе ноги выше колен. Он попытался подняться и снова свалился на неестественно выгнувшихся ногах. Шаровары, обмотки мгновенно набухли кровью. Шишкин налетел на нас сзади:

– Чего там?

И хотя задерживаться было запрещено, Федю отправил вперед, а меня оставил. Быстро и ловко он перетянул обрывком веревки одну ногу и крикнул мне:

– Ремень, да не этот! С брюк!

Так же крепко перетянул моим ремешком вторую ногу. Нашу маленькую группу уже приметили, и пулеметная очередь взбила фонтанчики земли метрах в трех от нас.

– Все, вперед!

– Я же умру, – собрав все силы, выкрикнул Бабушка.

– Сейчас санитары подберут.

Цепь, рассыпаясь, охватывала восточный край деревни, а весь бой запомнился мне какой-то суматошной громкой неразберихой. С Федей Маловым и еще двумя бойцами мы бежали, выставив винтовки к крайнему дому, ожидая каждую секунду немцев. Но из-за плетня выскочили сержант Абдулов и еще двое наших бойцов. Сказали, что немцев здесь нет. Стрельба шла в стороне. Сержант приказал мне:

– Лезь на чердак. Глянь, где фрицы.

Я ловко вскарабкался на чердак, и первое, что увидел, огромный копченый окорок, висевший под стрехой. Сразу захотелось есть. Мои родные края небогатые. Перед войной мясо ели по праздникам, а окорок я пробовал раза три в жизни. Я на минуту забыл даже про бой, нюхая копченую лытку.

– Ну, что там? – кричали снизу.

В дыму и вспышках понять что-то было трудно. Я долго вглядывался, потом по крыше что-то сильно шарахнуло. Я покосился еще раз на окорок и спрыгнул вниз.

– Вон там фрицы, – уверенно сказал я, рассудив, что где стреляют, там и враг.

Побежали дальше. Посреди улицы горел мотоцикл. Наш или немецкий – непонятно, но горел так сильно, что я удивился. Железяка с гулом полыхала, как грудa сухого хвороста, облитого бензином. Дым был черный, колеса тоже горели вовсю. Жар стоял такой, что и на пять метров не подойдешь.

Из неожиданного замешательства меня выбил воющий звук летящего снаряда, который взорвался далеко позади. Бросился догонять своих. Пробегая, увидел в кювете на обочине два трупа. Земля на Украине в основном черноземная. Но в этой деревне было много известняка. Трупы были покрыты засохшей серой с бурыми пятнами известковой коркой. Словно жуткие куклы. Я прибавил ходу и на бегу доложил Абдулову о найденном окороке. Тот рассеянно похвалил и велел запомнить дом. Но особой радости не проявил. Позже я пойму, что семейный сержант больше думал о том, как выжить. Он командовал, вел за собой бойцов, но смерть воспринимал по-другому, чем восемнадцатилетний парень, не веривший, что его могут убить.

Перед немецкой траншеей я увидел еще трупы. Много. Пятнадцать или двадцать, а может, больше. Меня поразили вид этих тел. В фильмах о Гражданской войне погибшие красноармейцы лежали красиво, в новых гимнастерках, отрешенно глядя в небо или обнимая родную землю. А здесь смерть словно издевалась над людьми. Один солдат лежал скрюченный, с оторванной ногой, уткнув голову в колени. У другого – гимнастерка вместе с нательной рубашкой задралась до подмышек и виднелась белая незагорелая спина. Еще один боец был словно измят огромным катком: пропитанная кровью гимнастерка и шаровары, нелепо торчавшие сломанные руки. Кто-то еще шевелился, кого-то перевязывали санитары. Я растерянно вертел головой, но меня пихнули в спину:

– Давай быстрее!

Позже мне доведется увидеть целые поля, заваленные телами. И наших, и немцев. Но в том бою и два десятка трупов, лежавших на пятачке деревенской площади, казались целым кладбищем. Бой длился недолго. Немцы оставили деревню. Я видел, как по склону катились грузовики и несколько диковинных бронированных машин – впереди колеса, а позади гусеницы. Они огрызались частыми очередями, и звук пулеметов необычный, словно молотили палкой по железной бочке. Кто-то сказал:

– Ложись! Из крупнокалиберных лупят. Если врежет, не встанешь.

Я уже видел, как выглядит немецкая тринадцатимиллиметровая пуля, и невольно вжался в землю. Семен, стрелявший из автомата частыми короткими очередями, сменил диск.

– А ты чего винт под боком держишь? Патроны экономишь?

Я выпустил пару обойм неизвестно куда. Потом появились наши танки, сделали несколько выстрелов из пушек вслед отступающим немцам и рванули вдогонку.

Рота недолго оставалась в деревне, и я сразу побежал за окороком. Но меня опередили. Чердак был пуст. Эту аппетитную свиную ногу я вспоминал долго. Хорошо, если за восемнадцать лет пару раз на Пасху ветчину ел, а тут целый окорок! Значит, не судьба.

Бабушка, парень из Белгорода, родивший в оккупации ребенка и очень боявшийся смерти, выжил. Кто-то из наших сообщил мне, ему ампутировали ногу. Если все будет нормально, вернется домой. Шестерым бойцам из нашей роты повезло в том бою меньше. Мы похоронили их на площади безымянной украинской деревни. А для оставшихся в строю война продолжалась. В полк поступили снайперские винтовки, и меня из роты отозвали. Я стал именоваться снайпером.

Сначала нас, небольшую группу снайперов, держали при штабе полка. Мы болтались несколько дней без дела, ходили в караул. Решали, как нас лучше использовать. Потом раскидали по стрелковым батальонам – получилось по два-три человека. Работайте, ребята!

Хотя я и числился снайпером, но исполнял обязанности напарника старшего сержанта Ведяпина Ивана Митрофановича. Ставил он себя высоко, поэтому, кроме звания, сообщил имя-отчество, рассчитывая, что я буду тянуться перед ним, как перед офицером. Ведяпину было года двадцать три, он имел на счету тридцать с лишним уничтоженных фрицев и носил на груди орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». Для сентября сорок третьего года это

был солидный набор. У нас в роте орден имел только капитан Черкасов, да еще три-четыре медали были у бойцов.

Высокий, костлявый, широкий в плечах, Ведяпин был с Урала. Работал в какой-то артели, а зимой охотился на пушного зверя. Поэтому его взяли в снайперы без всяких курсов. Первое время Ведяпин держался на расстоянии. Меня задевало, когда я приносил в котелке кашу на двоих, то Ведяпин выкладывал свою порцию в миску и вместе со мной не ел. Брезговал, что ли?

– Не бойся, я не заразный, – не выдержал я как-то.

Старший сержант ничего не ответил.

Задевало то, что, когда мы уходили «на охоту», мне никогда не разрешалось стрелять. Я выступал в роли наблюдателя и со злостью слушал, как, посапывая, «отдыхает» мой шеф. Надо отдать должное, стрелял старший сержант отлично. Выбирал хорошие позиции, учил меня тщательно маскироваться, и сразу после выстрела мы отползали в запасное укрытие.

Я слышал, что некоторые снайперы могли стрелять по несколько раз с одного места, особенно когда есть защита. Из-под танка, из-под сваленного толстого дерева, из развалин кирпичного дома. У Ведяпина была другая манера. Выстрел, очень редко второй, и мы исчезали. Возможно, это была самая правильная тактика. Хотя, по моему мнению, бесконечная смена и оборудование позиций сказывались на боевых результатах. За три неполных недели Ведяпин уничтожил трех немцев, одного из которых ему не засчитали. У меня результат был нулевой. Я был недоволен своим напарником и откровенно нарывался на скандал.

Моя «работа» изменилась после одновременной гибели в первом батальоне снайпера и его напарника. Они укрылись под сгоревшим танком Т-34 на нейтральной полосе и за утро сняли немецкого офицера и пулеметчика. Показалось мало. Но немцы их засекли, подогнали свой танк и всадили в укрытие штук семь зажигательных снарядов. Какой дьявольской смесью были начинены снаряды – неизвестно. Но «тридцатьчетверка», и так сгоревшая до основания, на этот раз пылала так, что смотреть было жутко. Сгорело и расплавилось все, кроме брони и гусениц. Танк осел на полметра, я сам ходил смотреть.

Снайпер сгорел в железной утробе, а помощник, обгоревший до костей, сумел отползти метров сорок, и здесь его исколошматили перекрестным огнем несколько пулеметов. Рассказывали, когда вытаскивали ночью, от тела отваливались куски. Исковерканную винтовку, которую он до последнего не бросил, доставили в штаб дивизии. Обоих бойцов представили к ордену Отечественной войны. Если не утешение, то память родителям.

– Видел? – поучал меня Ведяпин. – А ты меня слушать не хочешь. Необдуманно вели себя ребята. Ни за грош погибли. Отползть им надо было.

– Ага, как ящерицам, – фыркал я, хотя в душе был согласен, что погибшие непростоительно промедлили. – В следующий раз стрелять я буду. Хватит у тебя на хвосте сидеть.

На очередной вылазке старший сержант опередил меня. Но я уже закусил удила, и чтобы не портить отношений, он сдался и временно взял на себя роль наблюдателя. Я сразу же позорно промахнулся с четырехсот шагов, хотя фриц с полминуты вертел башкой и даже высунулся по грудь. Пуля стеганула по брустверу, сантиметрах в тридцати от немца, и тот мгновенно исчез. Я не учел боковой ветер. Зато на другой день, учтя все ошибки, снял пулеметчика. Вояка, видно, был ценный, потому что, кроме пулеметов, по нам ударила автоматическая пушка «собака», которая своей захлебывавшейся быстрой стрельбой напоминала лай дворовой собаки. 37-миллиметровые снаряды буквально простегали каменистую осыпь, но опоздали.

Мы уже перемахнули в заранее выдолбленное в глине укрытие, защищенное бруствером, и лежали, слушая вой мин, которых высыпали даже больше нормы. Все же молодец Иван! И ложбинку предусмотрел, которую мы ночью целый час углубляли, и эти норы, в которые мы сумели забраться незамеченными.

С того дня я несколько уравнивал свое положение в нашей снайперской паре и через раз работал как стрелок. Когда довел счет до пяти фрицев (шестого не засчитали, не было свидетелей), меня вызвал комбат, похвалил и пообещал представить к медали. Присутствующий при этом замполит высказал две претензии: что я не бываю на комсомольских собраниях в своей восьмой роте, где я состою на учете, и что устраиваем позиции слишком близко к траншеям. Мы с Ведяпиным после выстрела исчезаем, а мины летят в людей.

– В седьмой роте два дня назад бойца убило...

– И в седьмой, и в третьей! И не по одному погибло, – вдруг разозлился комбат. – Люди сидят, никакой активности. Пулеметчики цинк патронов спалят и докладывают – дюжину фашистов ухлопали. Минометный взвод, те вообще за неделю и пушку разнесли, и три пулеметных гнезда, а фрицев в докладной аж два десятка карандашом на бумаге перебили. Да если б каждый из нас по одному гаду убил или даже крепко ранил, война бы уже кончилась. А боец Першанин шесть немцев ухлопал. Почти отделение. Ладно, иди, Першанин. А к своим траншеям не жмитесь, комиссар дело говорит. Ваши же друзья расплачиваются.

– Мы не жмемся. Ближе ста метров от окопов никогда позиции не оборудуем. А чаще...

– Иди, иди! Так и воюй!

На следующий день мне присвоили звание «младший сержант». Пил я тогда мало и накопил почти полную фляжку водки. Обменяли с Иваном у тыловиков подобранные на нейтралке трофеи (наган, складной нож, стопку открыток с голыми бабами, плоскую немецкую фляжку на пятьсот граммов и еще кое-какие мелочи) на бутылку спирта, две банки кильки и кусок сала.

Вообще-то наган я себе хотел оставить. Полезная штука, но Иван сказал, что найдем и получше. Выпить как следует ему хотелось.

Отметили успехи в «своей» восьмой роте, пригласив Василия Шишкина, Асхата Абдулова, Федю Малова, Семена. Поговорили о жизни, о письмах из дома. Я рассказал, что получил письмо от старшего брата Федора. Половину вычеркнула цензура, но главное, Федя был жив и, судя по намекам, воевал по-прежнему под Ленинградом.

– Конечно, вычеркнули, – сказал Семен, с трудом прожевывая старое жесткое сало. – Полгорода от голодухи вымерло. Людей штабелями в ямах хоронили.

Помолчали и выпили за погибших. Шишкин пожаловался, что все обещают присвоить «младшего лейтенанта» и тянут. А он взводом уже четыре месяца командует.

– Столько не живут, – отпустил мрачную шутку Семен.

– Типун тебе на язык!

Федя Малов рассказал, что призвали в армию сразу двух младших братьев: родного и двоюродного.

– Хорошо, если месяца три подготовиться дадут, а то сунут в маршевую...

Он не договорил. Новички гибли пачками. И под самолетный огонь первыми попадали, и снайперы их чаще убивали. Любопытные, как цыплята. Поговорили о знаменитом Восточном вале, который Гитлер воздвиг по Днепру. Немцы сбрасывали листовки и обещали, что «остатки» Красной армии будут перемолоты при штурме укреплений, и, как обычно, приглашали переходить на их сторону.

– Какой дурак сейчас пойдет? – сказал Семен. – Наши везде наступают. Вот в сорок втором, помню, сотнями переходили. Сам видел.

Я хотел поддеть бурчливого Семена, не собирался ли он перебежать, но раздумал. Выпили за семьи, за детей, у кого они были, и потихоньку разошлись. В тот день я еще не знал, что больше этой компанией мы никогда не соберемся. Пополнившийся людьми и техникой полк после короткой передышки снова пошел в наступление. Шла битва за Днепр. Штурм этого долбаного Восточного вала.

В конце сентября дивизии и полки нашего Воронежского фронта, позже переименованного в 1-й Украинский, с огромными потерями форсировали Днепр. На правом берегу был

создан знаменитый Букринский плацдарм (г. Великий Букрин), который сыграл важную роль в успешном наступлении наших войск, а позже – во взятии Киева.

Но до масштабов фронта мне, восемнадцатилетнему мальцу, было далеко, как до Луны. Вся моя жизнь ограничивалась масштабами третьего батальона 295-го стрелкового полка и ставшей родной восьмой роты. Мы шли, ведя бои за бесчисленные Первомайки, Кричевки, Ольховатки и прочие деревушки и маленькие городки, большинство из которых я и названия не знал.

Что осталось в памяти от тех сентябрьских и октябрьских боев? Первой серьезной потерей для меня стала гибель Феди Малова. Малой! Он совсем не был малышом, крепкий, решительный парень. Красивый. Вместе со взводом бежал под огнем в атаку. Несколько осколков снаряда пробили ему грудь и живот. Он умер через несколько минут, находясь в сознании. О его смерти мне рассказал Абдулов. Федя не мог представить, не верил до конца, что умирает. Пытался встать, просил:

– Надо врача скорее. Я ведь буду жить?

Он истек кровью, и его последние минуты были мучительными не столько от боли (вряд ли он ее чувствовал), а от тоски и жалости к матери. Его похоронили в братской могиле. Когда я пришел туда, там был только холм. Саперы сколачивали дощатую пирамиду, выжигали раскаленным гвоздем фамилии и инициалы тех, кого сумели опознать. Но через день-два тяжелый снаряд разнес памятник и раскидал останки погибших. Федю Малова хоронили дважды.

Я довел счет убитых немцев до десяти. Их было больше, но засчитывали не всех.

– Вас послушать, и воевать уже не с кем, – осадил меня один из офицеров штаба полка. – Слишком много фрицев без свидетелей кладете.

Ни я, ни Иван не спорили. Тем более меня пообещали представить к медали «За боевые заслуги».

А через четыре дня погиб Иван Ведяпин. Он был немного странный человек. Взять хотя бы дурацкую историю с миской. Почти все напарники и друзья ели из одного котелка. Во второй наливали чай или сами кипятили, используя часто вместо заварки разные травы, вроде иван-чая, смородиновые листья. А Иван брезговал, что ли, или еще почему, хотя в нечистоплотности меня не обвинишь. Не нравились мне первоначальные попытки заставить меня называть его по имени-отчеству. Папаша нашелся! Мы нашего взводного Шишкина в своем кругу часто просто по имени называли, и никогда он не выделялся.

Впрочем, позже я понял его странности. Подмастерье в артели, неуклюжий, с торчавшими конопатыми ушами, почти неграмотный, Иван Ведяпин был далеко не первым парнем в своей деревне. Ванька, и все. А самолюбие лишь вызывало насмешки. И девки конопатого, не слишком привлекательного долговязого парня обходили вниманием, поддразнивая его попытки пыжиться. Иван делился со мной своей прошлой жизнью. В принципе, в деревне относились к нему неплохо, но не так, как ему хотелось. Ведяпин с обидой вспоминал, как однажды заявился на посиделки в добротном, но старомодном отцовском костюме, в сапогах, со взбитыми в диковинную прическу редкими волосами, в фуражке с лаковым козырьком и подумался еще цветок в кармашек уместить.

– Ты, Ванька, свататься никак пришел? – заливались над ним девки.

А он и ответить толком не мог. Если в семнадцать лет я мог все это воспринять по-ребячески просто, то двадцатилетний Иван тогда всерьез обиделся. Забросил подальше отцовский костюм и на посиделках больше не появлялся. Сошелся с вдовой, живущей на полустанке, километра за три от деревни. Получив в первые дни войны повестку, сумел выжить в жуткой круговерти сорок первого. Отступал, прошел, как окруженец, через особый отдел, где его за путанные показания хорошо дубасили, но все же «отпустили на фронт» рядовым красноармейцем пехотного взвода. Был ранен, контужен и сгинул бы безвестно, если бы случайно в присутствии командира батальона не снял метким выстрелом немецкого наблюдателя.

– Глянь, какой! Ну-ка попробуй еще! – удивился комбат.

Иван и без оптики редко промахивался. После шестого или седьмого фрица получил снайперскую винтовку. Счет пошел в гору. Написали про отважного снайпера в дивизионку, потом пропечатали во фронтовой газете. Быстро вырос до старшего сержанта, получил награды, уважение. Научился выступать перед бойцами и даже командирами. Направили почетное письмо в адрес секретаря райкома. Верным ленинцем, сталинским героем проявил себя ваш земляк Иван Митрофанович Ведяпин! Проснулась, заиграла гордость. Плохо? Да нет. Если и перебарщивал иногда Ведяпин, видевший себя лейтенантом, а может, капитаном или даже, чем черт не шутит, – Героем Советского Союза, то ничего особенного в этом никто не видел. Заслужил! Четыре десятка фашистов уничтожил. Умелый, осторожный был снайпер, но и немцы свое дело знали. Произошло все вот как.

В последних числах октября, когда шли бои за Киев, мы с Ведяпиным вышли с ночи на нейтральную полосу. Здесь захлебнулась одна из атак полка, и поредевшие батальоны, наскоро вырыв окопы и траншеи, застряли, ожидая подкрепления. Когда в ту войну жалели людей! Наш полк практически не существовал. В извилистые траншеи, которые то приближались к немцам на три сотни метров, то дугой выгибались в нашу сторону до полукилометра, согнали тыловиков, комендантский взвод, и даже писарей.

Потери были очень большие. Василий Иванович Шишкин, получивший «младшего лейтенанта», орден Красной Звезды и пару мелких осколков в руку, по просьбе комбата остался в строю. Осколки ему вытащили в санроте, перевязали руку, и он продолжал командовать взводом, насчитывающим полтора десятка человек. А офицеров в восьмой роте осталось всего двое – Черкасов да Шишкин. Оба младшие лейтенанты были убиты. Двумя взводами командовали сержанты: Абдулов и второй, незнакомый мне.

Я встретился с Василием Шишкиным накануне той злополучной вылазки. Выглядел он неважно. Кто не был ранен, может, меня и не поймет. Кажется, пустяк: вытащили из-под кожи два кусочка металла размером с ноготь, прочистили, зашили, забинтовали, укол от столбняка сделали, дали сутки отлежать, и воюй дальше. Но чертова инфекция, с которой в ту войну бороться как следует не умели, скрутила улыбчивого младшего лейтенанта. У него была высокая температура, покрасневшие мутные глаза. Не было тогда пенициллина. Американский порошок продавали в тылу за бешеные деньги, а в элитных госпиталях лечили им только очень важных персон.

Чувствовал я, не было у моего фронтового друга, Василия Шишкина с его двумя детьми, женой и родителями в тылу, желания опять испытывать судьбу, когда он обходил, шатаясь от слабости, свой взводик. Повалиться бы в медсанбате недельку-другую. Может, обманет в очередной раз судьбу. За два года три раза был ранен. Бог троицу любит. Шарахнет в четвертый раз мина или снаряд под ноги, и прощайте все! Обнялись мы, за жизнь поговорили. При этом присутствовал Иван Ведяпин.

– Че-то ты плохо выглядишь, младшой, – заметил мой напарник. – Ранен? Ну и шел бы в санбат.

Покровительственный тон снайпера Василию Ивановичу не понравился.

– Тебя не спросил!

– Ну-ну, геройствуй. Сам себя не побережешь, никто не позаботится. Мы с твоим другом (он кивнул на меня) это хорошо усвоили. Лишнее геройство до добра не доведет.

Не обращая внимания на Ведяпина, Шишкин поговорил со мной еще пяток минут. Подошел, покурил за компанию Семен, который ко мне заметно изменился.

– Молодец, сержант! Я знал, что из тебя толк будет. – Обратил внимание и на Ведяпина, окрестив его Вороной: – Ты бы, Ворона, поменьше каркал, а то накличешь беду на других или на себя.

Как в воду смотрел странный мужик Семен, фамилия которого выскочила у меня из головы. Битый, язвительный, умный, заваленный в блиндаже снарядом и чудом сумевший выползти с переломанными костями. Злой на немцев, на бездарных генералов, неумелых раззявистых новобранцев, но в душе человек хороший. Ну вот, заговорил о Ведяпине, а приплел заодно и крепко уважаемого мною Василия Ивановича Шишкина и Семена. Однополчане, друзья...

Не только нам с Ведяпиным, но и артиллеристам нашей ополовиненной полковой батареи и минометчикам дали задание давить огневые точки немцев. Цель нам выбрал сам комбат. Два пулеметных гнезда, выдвинутые на острие клина, который немцы загнали в наши позиции. Лупили и вперед, и по флангам, не давая высунуться даже наблюдателям. Это были знаменитые МГ-42 с темпом стрельбы двадцать пуль в секунду. Считались они лучшими пулеметами Второй мировой войны и, как метлой, сметали все, что появлялось на бруствере хоть на несколько секунд.

Если уж в траншеях не давали высунуться бойцам, то что творилось, когда с десятков МГ-42 обрушивали на атакующую пехоту свои трассы – лучше не смотреть! Я видел, сколько трупов осталось на нейтральной полосе после неудачных атак, буквально захлебнувшихся в крови. Тела лежали, касаясь друг друга, и когда дул юго-западный ветер, запах гниющей плоти забивал нос.

Конечно, с пулеметами боролись. Порой удачно всаживали снаряд из трехдюймовой полковушки, накрывали немцев и наши минометы, но извечная беда – нехватка боеприпасов – не давала нужного эффекта.

Как обычно, мы присмотрели основную и запасные позиции. Тяжелый немецкий снаряд свалил на высоте метра высокий тополь. Древесина у этого дерева довольно хрупкая, и толстый длинный ствол, падая, переломился на две части, да еще забросал все вокруг ветками. Посоветовавшись, решили вырыть норы под толстым стволом среди ветвей. Метрах в семидесяти виднелись остатки окопов, защищенные бруствером от взорвавшейся авиабомбы. Углубим, расширим – вот и запасное убежище.

Посредине застыл сгоревший легкий танк БТ-7. Бедолага! Их в основном выбили еще в сорок первом и сорок втором, однако остатки безнадежно устаревших машин продолжали упорно использовать наряду с «тридцатьчетверками» и КВ. Так или иначе, это были четырнадцать тонн стали, под которыми можно было отсидеться в случае нужды. Предусмотрели и отход (только ночью) по низине, сквозь бурьян, через воронки и к родной траншее. Лишь бы следующая ночь не была слишком светлой. Но до следующей ночи предстояло еще дожить.

Часа в четыре утра, в сыром тумане мы ползли на свою охоту. Если туман, то день наверняка будет солнечным. Октябрь. Ночи стояли сырые, холодные. Помню, натянул две пары фланелевого белья, поверх гимнастерки – меховую безрукавку, бушлат, маскхалат. Серая шапка без звезды, каска. Сто двадцать патронов и две «лимонки» на случай атаки, фляга с водой, полбуханки хлеба, десять кусочков сахара. От предложенной тушенки отказался – жажда замучает после жирного мяса, а воды на сутки – всего восемьсот граммов.

Светало, как всегда, невыносимо долго. Звуки в тумане раздавались отчетливо. Я слышал негромкие голоса и наших, и немцев, звяканье железяк. Даже когда взошло солнце, густая влажная пелена окутывала все вокруг. С обеих сторон, опасаясь внезапной атаки, раздавались короткие пулеметные и автоматные очереди.

– Иван, каша хлебом жрать будем? – подали голос фрицы, дразня передний край.

Бодрый голос немедленно отозвался матюками:

– А ты, морда, горох еще не ел? Че-то не слышать. Никак не просерешься?

Немцы пару минут обдумывали ответ.

– Сейчас слышать будешь!

С воем пронеслась мина и рванула, казалось, чуть не за спиной у нас. Потом еще и еще. Всего штук двенадцать. Комья земли и осколки шлепались сверху, иногда отчетливо звякая о металлический хлам. Наши ответили из «максима». Его гулкие четкие очереди мы хорошо отличали от всех остальных пулеметов.

– Огурец кончился? – заржали немцы, зная наше условное название мин, снарядов и вечную их нехватку.

– Ужо схлопочешь! Как прояснится, – пообещали немцам.

Оно и верно. У фрицев блиндажи и укрытия на переднем крае крепче, чем наши. Я сам не видел, но ребята рассказывали, что ночью на малом ходу подгоняют грузовики-вездеходы с кранами и осторожно накрывают приготовленные укрытия железобетонными плитами. К утру маскируют. Плиты с метровыми закраинами и амбразурами. Готовый гроб, если в нее наш тяжелый снаряд угодит. Таким же макарон сгружают бронеколпаки, бревна для блиндажей. Устраиваются, как на год, хотя больше недели-двух все равно не продержатся. Весь фронт наступает.

А наши роты эти укрепления в лоб штурмуют. Часть, конечно, разбивают бомбами и пушками, а перед остальными груды тел остаются. В атаки гонят без жалости. Не зря солдаты горько подшучивают: «В России баб много, еще пацанов нарожают». Наконец понемногу рассеивается туман. Немцы перекликаются, как петухи, пулеметными очередями, а мы засекаем первого пулеметчика.

Его худое лицо в каске, сидевшей на плечах, мелькнуло в сетке прицела, когда он, словно угадав наше присутствие, дал очередь по топовому стволу. Только щепки и мелкие ветки брызнули. Несколько разрывных пуль щелкнули, как пистолетные выстрелы. Поганая штука. Если в живот угодит, ни один хирург изорванные кишки не сошьет. Интересно, почему у наших таких пуль нет?

Вторую очередь, еще точнее, обнаруживая себя, фриц всадил в бедолагу БТ-7. Пулевые удары о металл, долгий визг рикошета. Попал, сволочь, с трехсот двадцати метров! Расстояние я определил довольно точно. Пулемет прятался в земляной выемке и, возможно, был защищен листом брони, замаскированной той же землей.

Первая цель есть! А первый выстрел был сегодня за Ведяпиным. Наши ребята из охотников научили меня делать очень простой вариант разрывной пули – сточить напильником головку. Попадая в фашистскую мякоть, такая штука разворачивалась лепестком и, кроша мясо, оставляла выходное отверстие размером с царский пятак. Или труп, или инвалид!

Может, в первые дни войны мы еще верили в мировую революцию, ожидая чуть ли не пролетарского восстания в фашистском тылу. Немцы быстро выбили из нас такие иллюзии. Кто увидит хоть раз, как мучительно, часами, умирает раненный в живот разрывной пулей боец, у которого внутренности изрешечены мельчайшими осколками, вряд ли фашист дождетса пощады в бою. А лежавшие вдоль дороги убитые советские военнопленные, которых мы видели во время наступления... Экономные фрицы убивали их в затылок, чтобы с одного выстрела. Однажды я увидел выбитые динамическим ударом глаза. Зрелище не для восемнадцатилетнего мальчишки. Небольшая выходная дырка на переносице, две мутные кровяные виноградины, висящие на жилках, и две черные глазные впадины.

А внезапные налеты скоростных истребителей «Мессершмит-109» или «Фоке-вульф-190»! Когда по нашим пехотным колоннам, бредущим без зенитного и авиационного прикрытия, обрушивались бомбы и огонь спаренных автоматических двадцатимиллиметровок и пулеметов всех калибров, многие не успевали понять и падали прямо в дорожную пыль, изрешеченные, разорванные, а за уцелевшими гонялись, как в сорок первом.

Правда, с той разницей, что осенью сорок третьего чаще появлялись наши «лавочкины» и «Яковлевы», не давая окончательно размять полк или батальон. Но господства в воздухе

нашей авиации в тот период я не наблюдал. Я увижу это в середине сорок четвертого, да и то потери в воздушных боях наши летчики несли не меньше, чем немцы. Впрочем, если кто начнет доказывать обратное, спорить не стану. Это всего лишь взгляд простого снайпера, младшего сержанта по званию.

А в то утро я зарядил винтовку тяжелыми бронебойными пулями. Посмотрим, фриц, спасет ли тебя железяка, которая, по-моему, была вкопана, защищая грудь и плечи арийца. Солнце уже светило ярко, западная немецкая сторона просматривалась четко. Потом будет наоборот. Наше время до полудня.

Вторая пулеметная точка. Это уже небольшой бетонированный дот, воздвигнутый у нас под носом. Расстояние – триста семьдесят метров. По нему уже били наши «полковушки», на бетоне видны щербины. Но маленьким пушкам дот не под силу, а вести прицельный огонь не дают минометы. Сюда бы на прямую наводку новую самоходку с мощной пушкой – восьмидесятипяткой. Но этих самоходных орудий пока мало. Их буквально поштучно выделяют на борьбу с тяжелыми «тиграми» и «фердинандами».

Ладно. Бог с ними, с самоходками! У нас свое оружие и своя тактика. Расстояние до немецких пулеметов очень небольшое. Первый же выстрел – и меняй позицию. В принципе, мы можем выбрать момент и выстрелить с Иваном одновременно. Пулеметчики торчат у своих «машингеверов», не отлучаясь. В крайнем случае, оставляя второго номера. Они не знают, что у русских на уме. Кинутся напролом, как не раз бывало, оставят роту или две на поле, а остальные ворвутся в траншеи. Чтобы показать свою арийскую мощь, фрицы высыпают на наши позиции с полсотни гаубичных снарядов и с перерывами, пачками, бьют из минометов. Там, в окопах, наверняка уже есть убитые и раненые. Нашим артиллеристам бы столько боеприпасов!

Мы обнаруживаем и третий пулемет, чешский «Зброевка-Брно», с магазином наверху. После захвата Чехословакии немцы довольно широко используют этот трофей, переделанный под их калибр. До МГ-42 ему далеко, но если нарваться на хорошо замаскированную «Зброевку», можно оставить не один десяток трупов. До нашей «Зброевки» всего триста метров.

Сползаемся с Иваном и принимаем решение бить одновременно. Сначала по обоим МГ-42, а если успеем – по расчету «Зброевки». По два-три выстрела, чтобы комбат не бурчал, и сразу ползком в окопы. Ведяпин нервничает. Явно заметно. Да и я чувствую себя не слишком уютно. Мы еще никогда не подползали так близко к немецким позициям. Пора бы и перекусить, но аппетита у обоих нет. Хреновые предчувствия.

– Ладно, – зло прошептал Ведяпин. – Я стреляю по амбразуре первым. Ты сразу за мной. Постарайся в МГ еще одну-две пули всадить. Чешский «ручник» не трогаем. Пусть живет. А то погонишься за тремя зайцами...

Расползлись. Моя цель – худой пулеметчик в выемке бруствера. Шестикратное увеличение приближает ствол и лицо почти в упор. Я отчетливо вижу, что он не очень молод (по сравнению с моими восемнадцатью), лет за тридцать, а напарник у него крупный малый в теплой шинели. Трофейные часы тикают ровно и быстро, но время тянется невыносимо долго. Чего ждать? «Мой» фриц уже давно на прицеле. Хуже нет стрелять одновременно. Я вспоминаю тех двух снайперов, сгоревших под танком. Но мы же не собираемся прятаться под «бэтэшкой». Эта железяка на крайний случай. У нас с ночи подрыв в стене старой траншеи двойной глубокий окоп.

Над головой, на большой высоте, гудят наши бомбардировщики СБ-2. Две эскадрильи по девять самолетов в сопровождении восьми остроносых «Яковлевых». Двадцать шесть самолетов – не шутки! Кому-то из фрицев достанется. Я вовремя прекращаю глазеть на небо и прикидаю к прицелу. Моя бессменная цель неподвижна, не стреляет. Опытный гад! Фрицы в доте уже выпустили не меньше сотни пуль. Выстрел щелкает неожиданно. Но я еще не готов, голова с каской уползла за вырез бруствера. Ну, вылезай, сволочь! Знакомое лицо появляется

в тот момент, когда Ведяпин стреляет второй раз. Я, затаив дыхание, нажимаю на спуск. Худое лицо и большая каска исчезают. Уверен, что попал. На триста метров я не мог промахнуться. Пулемет на сошках так и остается стоять в нише.

Передний край немцев оживает. Лупят по всей цепи пулеметы, с воем начинают свой полет мины. Пока бьют наугад. Второй номер наконец рискует взяться за МГ. Мой слишком торопливый выстрел отваливает комок земли, и здоровяк исчезает. Вряд ли он скоро появится. Да еще свой новенький пулемет утянет. Я стреляю в МГ-42 дважды, целясь в казенник. Один раз попадаю точно. Пулемет подпрыгивает и заваливается набок. После бронебойной пули он вряд ли сгодится. Конечно, фрицы приволокут запасной пулемет, но спеси у них поубавится. Рыло будут высовывать с оглядкой.

Я жду Ивана. Он, кажется, тоже попал. Амбразура дота молчит. Пора сматываться. Нас наверняка засекли. С дальней позиции, метров с восьмисот, по нам бьет автоматическая пушка, выкладывая с характерным звуком «ду-ду-ду» по семь-восемь снарядов сразу. Два попадают в танк, один взрывается, наткнувшись на гребень, метрах в тридцати позади. Ну, это ягодки! Надо уходить, пока не посыпались мины. Я ползу к Ивану. Черт, действительно накаркали!

Мой напарник лежал, скрючившись, зажимая ладонями лицо. Между пальцев текла кровь. Когда я кое-как разжал руки, тело Ивана судорожно дернулось. Он снова тянулся пальцами к ране и что-то пытался сказать. Пуля вошла ему в верхнюю губу, раздробив челюсть, и вышла из шеи. Позвоночник и сонную артерию не задело, иначе Иван бы уже умер. Но рана и без этого тяжелая. Кровь текла из носа, рта, выходного отверстия на шее. Говорить он не мог. Я истратил оба индивидуальных пакета, сквозь которые сразу начала сочиться кровь. Кто его так крепко зацепил? Похоже на снайпера. Но, осмотрев внимательно напарника, понял, что старший сержант попал под пулеметную очередь. Или его достал второй номер из дота, или чешский пулемет, который сыпет частыми очередями вместе с ожившим МГ-42 в амбразуре. На теле Ивана еще две пулевые раны – вырваны клочья мышц под мышкой. Но это ерунда. Главное, что там натворила пуля, угодившая в лицо? Приклад винтовки Ведяпина расщеплен сразу двумя или тремя пулями. Так густо бьет только МГ-42. Впрочем, теперь это не имеет значения.

Я потащил Ивана, стараясь быстрее уползти с позиции, где мы сделали шесть выстрелов и, конечно, засветились. Напарник оказался неожиданно тяжелым, да еще две винтовки тащу. Мало что соображая от боли, он упирался, мычал, а неподалеку уже рванула мина. Перебраться в запасные окопы уже не успеем. Минометчики густо сыпят 50-миллиметровыми минами. Эти поганые штуки, размером с переспелый огурец, взрываются, едва касаясь земли. Траву бреют. И точность стрельбы довольно высокая. Я понял, надо срочно лезть под «бэтэшку».

Ох, как мне не хотелось нырять в сырую темноту, где нас могли сжечь такими же штуками, как снайперов в первом батальоне, но времени уже не оставалось. Я сунул обе винтовки под днище и тщательно пытался запихать под обгорелую броню потерявшего сознание Ивана. Никак! Тогда я вполз под танк сам и, напрягшись, потянул Ведяпина за руки. Успел втащить до пояса, когда две мины рванули почти одновременно. Меня опрокинуло на спину взрывной волной, легкие забило гарью.

Я почувствовал, услышал по звуку, что одна из мин попала в моего дружка. И не ошибся. Когда втащил тело Ивана, увидел, что ноги до колен и сапоги изорваны в клочья, а правая ступня оторвана напроць. Кровь едва сочилась – вытекла почти вся. Даже в сумраке нашего убежища я разглядел, что конопатое лицо Ивана побелело. Пытался нащупать пульс, но и без этого понял, что мой уральский дружок мертв.

А мины продолжали сыпаться. Несколько осколков влетели между колес, обожгли руку, звякнули о металл. Я долго возился, расстегивал маскхалат, снимал телогрейку и остальное барахло, пока не нащупал три небольшие ранки. Перевязался рукавом нательной рубашки.

Вроде ничего серьезного. Пока ерзал, порезал ладонь еще об один острый зазубренный кусочек, напоминающий маленький гороховый стручок. Влепит такой в висок, и прощай мама! Я надвинул каску поглубже, пощупал тело Ивана. Оно начало холодеть, а под кожей ощущалась затвердевшая, уже неживая плоть.

Немцы прекратили огонь из минометов и спустя полчаса выпустили несколько гаубичных снарядов. Один ощутимо встряхнул танк, другие взорвались в стороне нашей бывшей позиции. После каждого взрыва земля вздрагивала, а я сжимался в клубок. Значит, начистили мы вам ряшку из двух винтовок, если вы столько железа на нас высыпали! Я даже перестал бояться зажигательных снарядов. Попил водички, расширил свое убежище. Но если страх перед зажигательными снарядами отодвинулся в сторону, то лежать в сырой полутьме рядом с мертвецом становилось все невыносимее.

Мне казалось, что Иван начинает шевелиться. Я снял тряпку, закрывающую лицо. Повязка на лице засохла, а глаза были открыты. Не догадался прикрыть сразу веки, и сейчас они затвердели. Эти открытые глаза добили меня окончательно, и я выполз наружу. Холодный ветер гнал облака, изредка показывалось негреющее солнце. Чтобы не замерзнуть, я ползал взад-вперед в низинке за танком, сжимал и разжимал пальцы. Немцы снова высыпали порцию «огурцов-пятидесяток». Я успел заползти под танк. Когда через полчаса вылез, увидел, что одна из мин взорвалась рядом с торчащей ступней Ивана. Сапоги, и без того иссеченные осколками, превратились в лохмотья.

Я пополз к запасным окопам, но немцы, набросав на бруствер траншеи мешков с песком, установили там еще один пулемет. Эти лишние полметра высоты не дали мне уползти от танка. Пули, короткими и длинными очередями, стегали землю, выстригали, как под машинку, бурьян, сквозь который я пытался проползти, прошивали насквозь островок акации, где уже виднелись оба окопа. Пришлось возвращаться под пулями к танку, а когда чуть не под носом рванули одна и другая тяжелые мины, я юркнул под «бэтэшку», уже не думая о мертвце. Эти мины, попадая в танк, глушили меня, как пескаря веслом. Из левого уха текла кровь. От запаха гари выворачивало наизнанку. Но гореть в «бэтэшке» уже было нечему, и я все же дождался темноты. Переполз эту сотню шагов нейтралки, оглохший, в изорванном комбинезоне, потеряв где-то шапку и каску. Зато притащил и свою винтовку, и разбитую покойника Ивана Митрофановича Ведяпина.

Это был самый жуткий день за время моего пребывания на передовой. Двое суток я отлеживался в санроте. Помыли, сделали укол от столбняка, вытащили небольшой осколок. Но официальное ранение и контузию мне почему-то не записали. Зажило все, как на собаке, слух восстановился. Наверное, счет раненых не захотели в сводках увеличивать, тем более осколок под кожей сидел, а еще два оставили лишь неглубокие порезы. Бушлат да овчинная безрукавка защитили.

Тело Ивана Ведяпина забрали и похоронили лишь дней через шесть, когда началось наступление. Мне засчитали двух убитых пулеметчиков и уничтоженный МГ-42, хотя во второго фрица я промазал. Надо же было оправдать шум и грохот на нашем участке и понесенные потери. В тот день, при обстреле, погибли командир седьмой роты и трое бойцов. Семен хоть и радовался, что я вернулся живой, но бурчал, что наша снайперская охота обходится слишком дорого.

Меня, уже после освобождения Киева, представили к медали «За боевые заслуги». Но писаря, как везде, не торопились, а может, документы завалялись, и приказ 013 по 295-му стрелковому полку 183-й дивизии был подписан лишь 27 апреля 1944 года, когда я отлежал в госпитале и снова вернулся в полк. А медаль «За боевые заслуги», опять-таки спасибо расторопности нашего военного руководства, я получу в августе 1963 года, спустя 19 лет. Да и то благодаря моей настырности. К этой медали и «Отваге» меня представляли (или обещали представить) раз пять, но получил я одну. Забегая вперед, скажу, что все три ордена: Красной

Звезды и два Отечественной войны второй степени я получу после окончания войны в 1945–1946 годах. Пара представлений на другие ордена тоже бесследно затеряется, и концов я уже не найду.

Ноябрь сорок третьего года запомнился сильными холодными ветрами и дождем со снегом. Самая паршивая погода для охоты. Мокрый, окоченевший, часами лежишь, высматриваешь цель. Пальцы не гнутся. Отогревал их дыханием или по очереди засовывая ладони за пазуху. От трехпалых рукавиц толку было мало. Через час они промокали насквозь.

Впервые побывал под сильной бомбежкой. Жуткое ощущение, когда полутонные и тонные бомбы взрываются на расстоянии полутора или двух сотен метров. Земля вздрагивает с такой силой, что тело подбрасывает в окопе, а в ушах стоит сплошной звон. Крепкая авиация у немцев. Лежишь вниз лицом и ждешь, что следующая чушка врежется между лопаток. Исчезнешь, как будто и не было тебя.

Я вначале не понимал, какого рожна бросают такие мощные бомбы на траншеи. Этой штукой корабль можно утопить или целый военный цех снести. А у нас какие цели? Несколько батарей легких орудий, минометных рот, изрядно потрепанных, да где-то за спинами гаубичная 122 – миллиметровая батарея.

– А это чтобы мы боялись, – рассуждал Семен, ставший командиром отделения. – Мстят фрицы за Киев. Я своих новобранцев обходил, так у троих штаны мокрые. Хотят, чтобы мы еще до боя от страха ничего не соображали.

Я знал о том случае. Хоть и въедливый, злой мужик Семен, а издеваться над своими солдатами не дал. Отправил постираться, собрал запасное белье.

– Ну и что, что обоссались! Не побежали ведь. Свой пост не бросили.

То, что мочевого пузырь со страху не выдержал – ерунда. Хуже, когда бегут неизвестно куда, выпучив глаза при виде несущихся авиабомб. На моих глазах двое молодых бросили винтовки и, выскочив из траншеи, побежали к лесу. А до него полкилометра. Конечно, не добежали. От одного лишь куски, вываленные в грязи, остались. Второго осколком величиной с ладонь почти надвое перерубило. Я подходил посмотреть. Жуткая вещь.

Ботинки взрывом сорвало. Лежат два новых башмака, а хозяин весь кровью подплыл.

На охоту ходил после смерти Ведяпина без напарника. Комбат задание даст, и шлепаешь в ночь, заранее присмотрев укрытие. Наступление. Часто и присмотреться некогда. Ночью лежку устраивал. Однажды чуть к немцам не попал. Пристроился в разбитом доме, а утром голоса под носом. Фрицы в ста шагах. Пролежал день, как мышь. Если бы стрельнул или закопошился, в упор бы меня с землей смешали. Ночью вернулся.

В середине ноября немцы сделали попытку отбить Киев (освобожденный 6 ноября 1943 года). А Первый Украинский фронт и мой родной полк в его составе уже на сто с лишним верст к западу вышли. Освободили Житомир, Фастов, много мелких городков. Но из Житомира нас выбили и гнали сорок километров. Мы, конечно, огрызались, и фрицы дальше сорока километров не продвинулись. Не знаю, как уж командование в Москве оправдывалось, но мы, солдаты, знали причину. Слишком часто гнали наши войска без оглядки вперед. Тылы отставали, боеприпасы кончались, а генералы рвутся, не удержишь. Так и попадали в котлы и в сорок третьем, и в сорок четвертом, и даже в сорок пятом.

Однажды мне удалось «снять» офицера. Добросовестный был немец, аккуратный. В меховой куртке с погонами, в каске. И позиции наши осматривал долго, внимательно, почти не высываясь из-за бруствера. Только каска да бинокль торчали. Расстояние до него было метров шестьсот. Боясь промахнуться, я ударил прямо по краю бруствера. Попал. Только брызги от бинокля посыпались.

В другой раз сразу двух наблюдателей уложил, слишком близко подобравшихся к нашим позициям. Зачли лишь одного, а за второй выстрел я расплачивался тем, что пролежал в старом окопе и слушал, как мины рвутся. Вот чего у немцев хватало, так это минометов. Если бы кто

меня спросил, что самое противное на войне, я бы многое перечислил. Потому что хорошего вообще ничего нет. Может, кроме боевой дружбы. Но самым жутким были эти бесконечные минометные обстрелы. И еще вши. Но о них попозже.

С блиндажами у нас не густо было. «Землянки в три наката», которых тоже не хватало, даже 80-миллиметровку не выдерживали. А у немцев и тяжелые минометы имелись. Особенно вредный – «Ванюша», шестиствольная минометная установка. Двухпудовая мина, набрав скорость, любой блиндаж пробивала. Приходилось мне видеть, что оставалось от укрытия, в котором и десять, и двадцать человек прятались. Мало кто после прямого попадания выживал.

Уже после войны меня спрашивали, мол, встречался ли я с немецкими снайперами. Встречался. Только, слава богу, редко. Опытные у них снайперы были, с большим практическим опытом. Оптика цейссовская, очень хорошая. Я как-то смотрел в сумерках сквозь прицел трофейной винтовки – линзы вроде даже темноту рассеивают. Сумерки, а видно, как днем. Много раз читал про поединки наших и немецких снайперов. Насчет Василия Зайцева и знаменитого немецкого майора верю. Хотя журналисты и политработники наплели, как полагалось, всякой всячины.

И вообще, какой к чертям поединок между снайперами? И наши, и немецкие снайперы укрытия выбирали надежные. Ты его попробуй найди в мешанине переднего края! Да еще за пятьсот-семьсот метров. А бывало, и с километра стреляли. Все бросать надо и караулить немецкого стрелка, не обращая внимания на другие цели. А с нас результатов требовали. Дня три безрезультатно проползаешь, начинаются от начальства намеки на нерешительность (понимай – трусость), подковырки. Спишь, что ли, в своем укрытии? Я фашистского снайпера, можно сказать, случайно уложил. Припоздал он, и позицию занимал уже, когда начинался рассвет. Я бы его не заметил, но получилось так, что он от меня метрах в ста тридцати оказался. Срезал я фрица наповал, и винтовка с прицелом целый день рядом с ним валялась. Очень хотелось подобрать, но меня на этих ста тридцати метрах десять раз бы успели прострочить. Но наши мой выстрел видели, и авторитет у меня поднялся.

Потери от немецких снайперов мы несли большие. У них это дело было поставлено на поток – подготовка снайперов. Они все время держали наших бойцов и командиров в напряжении. Спасала только осторожность. Как-то за один день в батальоне убили сразу двух командиров взводов и человек пять бойцов. Ну, там не один снайпер действовал. Пара или две.

Они бы вообще обнаглели, но и мы к сорок третьему научились их снайперов крепко по рукам бить. Если засекли гада, снарядов и мин не жалели. Смотришь, неделька – тишина, не лезут охотнички. Значит, накрыло снайпера взрывом. Дней несколько затишье, а потом внезапный точный выстрел. Лежит новичок-взводный, из шапки лохмотья торчат и лужа крови. Начинают люди прятаться, но немецкий спец свою цель найдет. То молодой солдат рот разинет, то влетит пуля в обозника, когда тот с термосами еду нам тащит, не дождавшись темноты. Им кажется, что за траншеями уже наш тыл. Теряют осторожность. Идут не спеша, в рост. Им кричат:

– Ложитесь, здесь стреляют!

Хорошо, если среагируют и дружно на землю брякнутся. А если растерялись – выстрел, второй, и лежат наши тыловики в траве серыми бугорками.

Всем колхозом, бывало, снайпера обкладывали. Целые представления устраивали. Голь на выдумку хитра. Смастерят бойцы чучело, лицо раскрасят, каска, шинель, в старый бинокль стекла обычные вставят, кружком вырезанные, и ловят, как волка, на живца. Иногда получалось. Результат не всегда виден. Но главное – страх у людей перед снайперами развевать. Хоть частично.

Помню, еще в начале моей снайперской деятельности вызвали меня с фашистским снайпером «разобраться». Ведяпину какое-то другое задание дали. Заявился со своей новенькой

оптикой в третью или четвертую роту, а командир, капитан, уже в возрасте, оглядел меня, вздохнул:

– Ты давно, сынок, на передовой?

Я гордо отвечаю:

– Три месяца с лишним. Столько-то фрицев на счету имею.

– А годков тебе сколько?

– В январе девятнадцать исполнится.

– Ладно, возвращайся. Прибили мы твоего снайпера.

Показывает на бойца в белом полушубке с обычной трехлинейкой. Наверное, из сибирских охотников. Такие и без оптики на полверсты с первого выстрела в цель попадали.

А седьмого декабря сорок третьего года я сам целью оказался. Кто меня ранил, сказать не могу. Может, снайпер, а может, обычный немецкий солдат. Сильно ударило по левой руке ниже локтя. Сразу рука онемела. Боли не чувствовал. Сел за деревом и двинуться не могу. Шевельнулся, боль аж в мозгу отдалась. Рука висит, кость перебита. Кое-как очухался, и где ползком, где на карачках двинулся в тыл. Винтовку с собой тащу.

Рана оказалась тяжелая. Раздробило кости предплечья. Операцию делали под общим наркозом. Когда наркоз отошел, заныла, заскулила рука. Но самое мучение началось через пару недель, когда прееет кожа под гипсом. Зуд дикий, места себе не найдешь. И дырки ковыряешь, и прутиком под гипс лезешь. Начухаешься, как свинья, аж кожа клочьями слезает, а ночью еще сильнее зудит, заснуть невозможно. Зато когда гипс сняли, такое счастье!

В госпитале я отлежал два месяца в небольшом городке, точнее, поселке. Чем запомнились эти два месяца?

Прежде всего разговоры в кругу раненых, куда меня приняли не сразу. Наслушался я здесь таких вещей, что особист госпиталя, наверное бы, со стула свалился, узнай он об этом. Впрочем, наверняка он многое знал. Разные люди лежали. Видел я таких, которые кого угодно продадут, только подольше бы в госпитале остаться.

Ну, сначала о наших полуночных беседах, когда мы собирались в дальнем кутке коридора, подтапливали печь, курили и делились тем, что наболело на душе. Общим настроением этих разговоров являлось то, что «после войны будет не так».

Запомнилось, как двое сельчан упорно доказывали, что деревне сделают «послабление». В колхозы будут принимать по желанию. Особенно фронтовиков. Один из раненых, бондарь по специальности, хвалился, что вместе с отцом такие бочки и кадушки делали, что к нему из соседних районов приезжали. Очень неплохо зарабатывали да еще свое хозяйство держали: молоко, мясо продавали.

– А как же от налогов уходили? – спросил кто-то бондаря.

Тот поцокал языком, хитро усмехнулся:

– Уметь надо. Те, кто налоги собирает, тоже жить хотят.

– В кулаках, значитца, пребывал, – со злостью поддел его другой раненый.

– Сам ты кулак немазанный! Нас в семье девять душ было, и все с утра до темноты пахали.

– Ясно... и не раскулачили?

– А кого кулачить? Отец без вести в сорок втором пропал. Брат старший погиб. Я – в госпитале. Нога никак не срастается. Остались две сестренки да мать с дедами.

В воздухе повисло молчание, а бондарь с перебитой ногой в гипсе зло посоветовал:

– Иди заложи меня. Может, придержат в госпитале. Будешь таких, как я, дураков на словах ловить.

«Борец с кулачеством» смутился. Увидел, что смотрят на него настороженно.

– Я – не стукач, – гордо ответил он.

Было, наверное, логично, если бы я сказал, что и остальные поддержали бондаря. Но среди нас были и крестьяне из самых разбедняцких колхозов, и городские, для которых слово «кулак» ассоциировалось с пузаном, эксплуатирующим бедноту. Помните плакат? Толстый бородатый мужик, в поддевке, с цепочкой и часами на огромном брюхе, стоит над согнувшимся оборванным крестьянином, который из последних сил тянет плуг. Не так все просто было. Многие хлебнули голод, и сытая, хоть и трудовая, жизнь бондаря вызывала у них раздражение и просто зависть.

Начавшийся было опасный спор прекратил дядя Игнат, пожилой мужик с гипсом на обеих руках.

– Спать пора, – объявил он. – Человек уже двоих на войне потерял. Чего языками молотить? Пошли, отольем на ночь. Может, добрая душа мне штаны подержит.

Штанов у нас не было. Все носили кальсоны и затертые байковые халаты. А дядя Игнат, пресекая возможные неприятности, устроил на следующий день спектакль. Как начал расхваливать свой колхоз, председателя, парторга. Мол, не жизнь, а малина. Сплошной праздник – муки и мяса вволю. Ситцем и сукном завалили.

– Хватит брехать! – оборвали его.

– А ты че, в кино не видел, что ли? Скажешь, там врут?

И сам на «борца» поглядывает. Тот заерзал и ушел.

Спорили много. О чем, я не всегда понимал. Много рассказывали всяких историй. Про сорок первый год. Тогда я услышал, что целые дивизии стигнули и предательства хватало. Семен из нашей роты про сотни перебежчиков говорил, а немногие, пережившие сорок первый, подвыпив, говорили о колоннах наших пленных. Слово «тысячи» не рисковали произносить, а много позже узнал я, что счет шел на миллионы попавших в плен моих соотечественников.

Что еще вспомнить о первом своем госпитале? Я поочередно влюбился в двух красивых медсестер и врача-хирурга, Марину Марковну. Но никому из троих, конечно, и намекнуть не посмел о своих чувствах. Сестры, избалованные общим вниманием, обращались со мной официально-вежливо. Марина Марковна улыбалась и порой ерошила мои отрастающие кудрявые волосы.

– Ты у нас красавчик. Ну-ка, давай руку глянем.

Я просто замирал, когда ее пальцы с коротко остриженными ногтями ощупывали мою руку, даже гладили больные места. Я вообразил невесть что и целую неделю сочинял признание. Опыт общения с женщинами у меня был минимальный. Слишком молодой был. Так и не решившись на признание, я узнал, что красивой Марине

Марковне двадцать пять лет (мне 29 января 1944 года исполнилось девятнадцать), она капитан медицинской службы, хотя в военной форме не ходит, и живет с одним из хирургов.

Для меня это был удар. Правда, женскую заботу компенсировала санитарка Дотя, которой я, видимо, нравился. Мне она не нравилась, сильно уж конопатая, но в ночные дежурства сидела у меня дольше, чем у других, позволяла гладить руки, а один раз мы всерьез, почти повзрослому, поцеловались. Дотю затрясло, она покраснела и убежала, а я не спал полночи.

Хорошие ребята были в госпитале. Я набрал адресов штук двадцать, когда выписывался. Были и такие, кто любыми путями пытался продлить свое пребывание в тылу. Поднимали температуру, чтобы создать впечатление инфекции. Глотали какую-то гадость, от которой их несло. Но анализы за два-три дня показывали, что это простое расстройство желудка. Самые продуманные и рискованные натирали раны медным купоросом или еще чем-то. Раны гноились, но врачи быстро раскусывали хитрости. Было много других способов «косить», о которых я не знал, но все это отдаляло выписку на неделю-другую. Редко когда больше. Комиссии были жесткие. Подметали не только мнимых больных, но и тех, кому еще действительно надо было лечиться. Кое-кого такие хирурги, как Марина Марковна, отстаивали, а большинство выписы-

вали. Долечитесь по дороге! Я отлежал два месяца и одиннадцать дней. Так как фронт стоял тогда почти на месте, мне удалось получить направление в свою дивизию.

Санитарка Дотя проводила меня до вокзала, обняла, расцеловала и обещала ждать, если я захочу продолжить отношения. Слово «отношения» было для меня не совсем понятным. Я понял, что она намекает на возможное замужество, и как-то притих. Дотя оставила мне свой адрес, дала на дорогу пакет пирожков с капустой, и мы расстались.

Прости, Дотя, но твой адрес я потерял уже спустя две недели, а под очередным обстрелом выветрилась из памяти и сама ласковая санитарка. Такая вот жизнь на фронте.

Я попал снова в свой родной 295-й стрелковый полк. Дивизионные писари, без какой-нибудь трофейной вещицы в презент, назло бы в другой полк отправили. Но в штабе дивизии я встретил капитана из нашего полка. Он похлопал меня по плечам, спросил, как я себя чувствую. Чувствовал я себя хреново. Рана, которая давала о себе знать, ныла после трехчасовой тряски на попутном «Студебеккере». Кроме того, за двое суток, пока я добирался до штаба дивизии, меня просквозило февральским ветерком, хотя морозы стояли так себе, градусов восемьдесят.

Я доложил, что чувствую себя хорошо. Начнешь жаловаться, не возьмет меня капитан, и пошлют в другую часть. Напомнил ему, что я снайпер, имею на счету четырнадцать уничтоженных фашистов. Капитан забрал мои документы и пошел в штаб, сказал, что пробудет там с часок, уладит все дела, и в том числе о направлении меня в родной полк.

– Хоть два, – ни к месту брякнул я и, не удержавшись, добавил: – Поесть бы где. Сутки во рту ничего не было.

– Решим, – не оборачиваясь, отозвался капитан, вбегая по ступенькам в штаб.

Как я и накликал, так и получилось. Два часа слонялся я по улице. Глазел на счетверенные зенитные установки на гусеничном ходу. Американские или английские. На каждой по четыре крупнокалиберных пулемета. Сила! У нас во всем батальоне ни одного крупнокалиберного пулемета не было. А здесь сразу две установки стояли рядом со штабом, замаскированные в саду, измятом гусеницами и колесами.

– Крепко, наверное, лупит! – польстил я зенитчику, сидевшему в кресле у круглого сетчатого прицепа.

– Ничего, – снисходительно отозвался тот и, свернув самокрутку, посоветовал мне тут не шляться. – Комендант у нас строгий. Не любит, когда всякие посторонние.

Я присмотрелся к сержанту-зенитчику. Ему было тоже лет девятнадцать, и, по некоторым признакам, я догадался – призван он недавно. Не знаю, что сыграло: ноющая боль в руке, голод или снисходительность зеленого бойца, но я разозлился.

– Я-то не посторонний. Снайпер из 295-го полка. И воюю с августа, между прочим. Из госпиталя после тяжелого ранения возвращаюсь. А ты оседлал в тылу пяти-стволку и закурить даже не предложил.

Прозвучало хвастливо и назидательно. Стало неудобно за себя. Я махнул рукой и пошел прочь. Облаял ни за что парня. Но стыд за свою хвастливость мгновенно прошел, когда хорошо откормленный зенитчик, надув шею, прокричал вслед петушиным срывающимся голосом:

– Вали отсюда, герой! Пока ребята не пришли и рожу не начистили.

– Зови весь курятник. Глянем!

И действительно, вышел старший сержант, наверное, командир установки, и с ним еще один зенитчик. Я приготовился к потасовке. Но старший сержант, остановив меня, задал несколько вопросов и, достав кисет, все же посоветовал:

– Ты здесь, в штабе дивизии, не ершишь. В момент на губу попадешь.

– На передовую такие бы машинки, – сказал я. – А вы в тылу околачиваетесь.

– Здесь не тыл. Снаряды каждый день долетают. Спасибо маскировка хорошая да шляться всяким не дают. Узнали бы немцы, что штаб, уже самолеты бы появились. Ладно, иди, жди своего предписания.

И снова началась моя жизнь на передовой. В полку меня от души накормили, налили сто граммов. Не споря, снова прикрепили к третьему батальону. Винтовка моя с четырнадцатью зарубками была уже неизвестно где, но мне сразу выдали другую «снайперку». Тоже не новую, с восемью зарубками. Я не стал спрашивать, чья это винтовка. По следам замытой крови догадался, что хозяин или погиб, или в госпитале. Комбат Орлов поздоровался со мной, как со старым знакомым, приказал старшине подобрать мне напарника и выдать тридцать патронов для пристрелки оружия. Кроме того, комбат поздравил меня с присвоением звания «сержант». Насчет медалей, к которым меня собирались представить и в октябре, и в ноябре, обещал узнать. А я надеялся! Ну что же, нацепим третью лычку вместо медали.

В тот же день я уже был в своей родной восьмой роте. Ответил на два десятка вопросов нового командира роты, старшего лейтенанта Риккерта Вадима Викторовича. Фамилия мне не понравилась, немец, что ли? Но вскоре я забыл про фамилию. Мы разговорились. Старший лейтенант, высокий, спортивно сложенный, затянутый в португую, был прост в обращении. Угостил меня чаем с печеньем, поинтересовался, откуда родом, как чувствую себя после ранения. Одобрил мои снайперские результаты.

– Ну и как немцы дерутся? – испытывающе глядел он на меня светло-голубыми глазами.

Поколебавшись, я ответил:

– Крепко дерутся. Умело.

– Не чувствуют, что войну проигрывают? – Вопрос был слишком откровенный, и я снова замялся. Старлей это почувствовал: – Говори прямо, не стесняйся.

– Немцы, я думаю, будут сопротивляться отчаянно. Трусливыми их не назовешь. Разрешите идти, товарищ старший лейтенант.

– Иди, Николай. Рассуждаешь правильно. Противника нельзя недооценивать.

– Я с ребятами хотел посидеть. Два месяца не виделись. Разрешите?

– Конечно. Только не перебарщивайте, если ты со спиртным явился.

– Откуда? Я ж только из госпиталя.

Доброжелательность Риккерта мне понравилась.

Большинство командиров рот и взводов не слишком жаловали нас. Снайперы подчинялись полковому и батальонному начальству, считались бойцами особого назначения (слово «элита» тогда еще не было в ходу). Многие имели по две-три награды и больше. Вели счет уничтоженных фрицев на десятки и смотрели на ротных и взводных командиров порой свысока. Ведь, бывало, задания лично от командира полка получали. Мне эти вещи не нравились. Имелся у нас в полку один такой заслуженный, через губу не переплунет. Шестидесят с лишним фрицев на счету имел, орден Красного Знамени, в офицеры метил. Он и со своими коллегами не всегда здоровался. Покойник Иван Ведяпин скромнее был. Не попади тогда под пулеметную очередь, может, счет у него и за сотню бы перевалил.

Василий Шишкин едва не задавил меня в объятиях. Семен тоже улыбался и даже не бурчал на бойцов, окруживших нас. Встречу отметили фляжкой зеленой водки-тархун. На закуску хлеб с тушенкой и луковица. Хорошо! И немцы сильно не выпендривались, и командир роты дал спокойно посидеть. Ребята рассказывали ротные новости. И плохие и хорошие.

Погиб капитан Черкасов. Гнал в атаку залегшую роту, над головами из пистолета стрелял. Поднял. Рота пошла вперед, а Черкасов подгонял отстающих. Пока бегал, все немецкие пули мимо пролетали, а когда рота уже к траншеям приближалась, Черкасова через всю нейтралку очередь достала. В живот попала. С полчаса пожил и умер. Смелый мужик был, но в атаку всегда пьяный ходил.

За Букринский плацдарм и освобождение Киева, хоть и с опозданием, многих наградили. Часть – посмертно. Асхат Абдулов и Семен получили медали «За боевые заслуги». Семена в том бою, когда Черкасов погиб, ранило в очередной раз, но легко. Полторы недели в санбате отлежал. Рота потеряла убитыми и ранеными половину людей. Старшину убили, еще нескольких бойцов, фамилии которых я не запомнил.

– Вот так, – хлопал меня по плечу разжившийся где-то еще водкой Семен. – Пять ранений и медаль на третьем году получил. И сын родился!

Семен захохотал. А получилось вот что. С месяц назад он получил слезливое письмо от матери, тещи и сестры о том, что жена согрешила и родила мальчика. «Ты ее прости, Христа ради, она сама извелась! Жизнь в тылу тяжелая, две девки на шее, а тут постоялец из тыловиков подкатился. Мукой, углем помогал, может, потому и обе девчонки выжили. Ради семьи, детей грех приняла».

– Ну, не только ради детей, – по привычке съязвил Семен. – Терпела, терпела, да и не выдержала. Приспичило бабе.

– Ну и че теперь? – глупо спросил я.

– А ничего, – развел руками Семен. – Раз сам сына не сумел сделать, добрые люди помогли.

– Дочкам его пять-шесть лет, – рассудительно заметил Шишкин, самый старший из нас. – Могли и помереть без помощи. Голодуха в тылу. Ну, согрешила! Убивать, что ли, теперь?

И жена следом Семену письмо прислала, каялась. Ответил он хоть и сухо, но без особой злобы. Буду жив, приеду, разберемся. Наверное, так и отвечали в подобных случаях, кто поумнее. Без ругани и истерики.

Рассказали о последних боях. Я читал в госпитале о наступлении в конце года всех четырех Украинских фронтов, о Житомирско-Бердичевской и позднее, в феврале, Корсунь-Шевченковской операциях. То, что передавалось сухими сводками Совинформбюро, однополчане рассказывали по-другому. Немцы наносили сильные контрудары, линия фронта изгибалась то в одну, то в другую сторону.

– Потери страшные были. Птаху убили, Лешку Симонова, Рудаскова... – Шишкин перечислил еще несколько фамилий. – Ковенко без вести пропал.

Больше всего я переживал смерть Сани Канищева, Птахи. Мы не были с ним друзьями, так уж получилось. Потому что виделись редко. Он был телефонистом у Черкасова, а нашего ротного, после унижительной взбучки, я избегал. Птаха был знаменитостью не только в роте, но и во всем батальоне. Как он пел! «Выхожу один я на дорогу», «Вот мчится тройка удалая»... Птаха знал множество песен и романсов. Мои довоенные упражнения с балалайкой были убожеством по сравнению с его голосом. Этот худощавый, невидный паренек, которому только восемнадцать исполнилось, стеснялся своей фамилии и был доволен, когда его стали называть Птахой. Саню собирались перевести в армейский ансамбль, но Черкасов все тянул. Любил, подвыпив, слушать его песни.

Как погиб наш Птаха, никто не видел. Во время немецкой контратаки батальон отступил. Рота едва успела вырваться из-под танкового удара. Птаху хватились не сразу. Шишкин, исполнявший обязанности командира роты, послал людей за отставшими. Ковенко исчез, подозревали, что он драпанул домой. А Птаху и еще нескольких бойцов постреляли из танков и бронетранспортеров. Ребята бежали к перелеску, увязая в снегу, так и остались лежать неровной цепочкой. Никто не добежал.

Посидели мы, выпили, помянули погибших, и я вернулся в батальон, где размещалось наше небольшое отделение. Впрочем, мы только там спали, а почти все время проводили на закрепленных участках. Из батальона позиции немцев не изучишь. В штабе (хотя какой там штаб! – адъютант старший, порученец, проверяющий из полка, да пара писарей) настроение было другое. Все ходили под впечатлением только что завершившейся Корсунь-Шевченков-

ской операции. Писали и говорили, что немцы потеряли тысяч под сто убитыми, а в плен попали не менее тридцати тысяч. Позже эти цифры уже официально озвучили: немцы потеряли 55 тысяч убитыми, 18 тысяч попали в плен. Это была серьезная победа, хотя ходили слухи, что «котла» не получилось. Немцы в страхе перед русским пленом, пресловутой Сибирью, дрались отчаянно. Основная часть окруженных дивизий прорвала кольцо и соединилась со своими войсками.

Такие разговоры не приветствовались. А для нас всех, так или иначе, Корсунь-Шевченковское «побоище» (так его иногда называли) стало очередным крепким ударом по немцам. Я много раз после войны рассматривал знаменитую картину художника П.А. Кривоногова «Корсунь-Шевченковское побоище». Впечатляюще талантливое полотно. Предзакатный розоватый снег, груды разбитой немецкой техники, трупы солдат вермахта. Страшное лицо войны. Ну что же, с чем пришли, то и получили.

Я лично видел подобные поля. Только рядом с разбитой техникой и трупами немцев застыли и наши сожженные «тридцатьчетверки», лежали многочисленные тела советских солдат, моих ровесников. Наступившая затем оттепель мешала захоронению погибших. Многие тела лежали до апреля. Но это суровая действительность войны. От нее никуда не денешься. А демонстрировать в кинохронике и на фотографиях наших погибших и сгоревшую технику очень не рекомендовалось. Ну что же, и в этом есть смысл. Зачем давать врагу лишние козыри и показывать наши славные «тридцатьчетверки», считавшиеся почти неуязвимыми.

Снова передовая. Раскисшая земля, островки тающего снега, холодные лужи. Не везет мне. В ноябре-декабре намерзся и вдоволь накупался в ледяной воде, часами лежал на морозе, выискивая цель. И сейчас не лучше.

После двух месяцев госпиталя к войне привыкаешь заново. Возрождается страх, который ты когда-то победил. Пулеметная очередь, пронесшаяся метрах в тридцати, кажется, летит прямо в тебя. Но хуже всего – вши и минометы.

Вши, хоть и мучительно, но не смертельно. Кроме того, имея свободные часы после «охоты», я чаще стирал белье, что, впрочем, давало небольшой эффект. День-два, и снова ползает, кусает проклятая живность.

От мин никто не застрахован. Но здесь у меня перед ребятами из пехоты небольшое преимущество. Я имею хоть какую-то возможность выбрать укрытие. Отсидеться в развалинах, под сгоревшим танком или бронетранспортером, а мои друзья будут оставаться в траншеях, по колено в ледяной жиже или сидеть под тонким настилом хлипкой землянки. Правда, и такой охоты, какую устраивают немцы за снайперами, они не ведают. Если фрицы засекут и загонят в угол, мало шансов выбраться из-под мин и пулеметного огня.

Места здесь степные. Деревьев почти нет. Василий Шишкин с Семеном и Асхатом Абдуловым прилагают всю свою изобретательность. Километра за два натаскали с бойцами обугленных, но еще на что-то годных бревен и досок из сгоревшего хуторка. Разобрали остатки кузова разбитой полуторки. Из этой же полуторки и еще с двух-трех разбитых грузовиков выломали, свинтили дверцы, листы жести с капотов. Все три землянки: персональная командира роты и две взводные (на третью не хватило материалов) умело перекрыты и утеплены, замаскированы сверху пластами дерна, с жухлой прошлогодней травой. Успокаивая молодежь, Шишкин и Абдулов утверждают, что такое покрытие выдержит и мину, и трехдюймовый снаряд. Семен подтверждает, но, как всегда, ехидно улыбается. Эти землянки лишь укрытие от холода. Восьмидесятимиллиметровая мина разнесет ее вдребезги, не говоря о снарядах полевых орудий. Самодельные печки топят ночью с большой осторожностью. Не дай бог, фрицы увидят дым. Но спрятаться от дождя со снегом, немного подсушиться и поспать хоть часа четыре в сутки, просто необходимо. Единственное, что могут предпринять командиры, – не скапливать в землянке много людей.

– Иди-иди, все, согрелся. – Семен бесперемонно выпихивает наружу посиневшего, как куренок, мальчишку-бойца.

Знакомая и привычная картина. Паренек, неумело матерясь, шлепает в своих мокрых ботинках в свой окоп. Если разобраться, уцелеть там у него больше шансов. Большой разброс мин и пуль с расстояния 600–800 метров спасает одиночек. А в одну из землянок в девятой роте, куда сбились человек десять бойцов, влетела мина. Это уже второй или третий случай в батальоне на моей памяти. Чудом спасся выброшенный взрывом молодой боец. Еще двоих с тяжелыми ранениями спешно отправили в тыл. Остальные погибли.

Командир роты Риккерт не возражает, чтобы во второй половинке его землянки спали бойцы. Но там размещаются двое связистов, да и старлея без конца теснят всевозможные проверяющие из штаба полка. И нужные, полезные люди (артиллеристы, минометчики, разведка), и бесчисленные политработники. Укрепляют наш боевой дух. Землянка им кажется хлипкой и ненадежной.

Стараются побыстрее провести беседы, раздать газеты и улизнуть опять в штаб полка. Но замполит упорно гонит их в подразделения. Наверное, политработники надоедают ему в штабе или считает, что их присутствие действительно повышает боеспособность на переднем крае. Попадаются и неплохие мужики. Но большинство зациклено на полусотне избитых фраз. О мужестве, долге, силе партийцев и мудрости вождя всех народов.

Но, понравится это кому или нет, скажу, что коммунисты в нашей роте были в основном надежные ребята. И Шишкин, и Абдулов, и другие. Имелись и выскочки. Получить партбилет, активно выступать, глядишь, заметят и заберут наверх, то бишь в штаб. Как их осудишь, когда рядом со смертью ходим, а выжить все хотят.

Обычный утренний туман постепенно рассеивался. Показалось солнце. Линия немецких траншей петляла по склону пологого холма. В глинистой низине виднелись остатки разрушенного до основания кирпичного завода. Завод был у нас с напарником за спиной. Там траншеи батальона. Опять немцы на высоте, а наши – в низине. Впрочем, фрицам ничего не стоит оставить километр-полтора нашей земли и занять выгодную позицию. А мы рвемся до последнего метра, и там, где атаки захлебываются, пехота начинает спешно окапываться. Сначала окопчики, а если наступление временно прекращается, появляются траншеи, землянки, реже – блиндажи. Оборона. И, наверное, не на одну неделю. Земля раскисла. Техника завязла где-то позади. Лишь лошадки вытянули для поддержки полка несколько батарей.

Местность холмистая, но ближе шестисот метров я позицию выбрать не смог. Ну пусть шестьсот. Далековато, конечно, но обозрение хорошее и укрытие неплохое. Подсохшая глинистая промоина, бурьян, редкие кусты. Еще пара промоин, а неподалеку маленький, но глубокий овражек. Запасные убежища. Правда, существует опасность, что по этим промоинам между холмами могут просочиться немцы. Но нас двое, и на всякий случай я не ленюсь таскать с собой пару «лимонок».

У меня новый напарник. Третий день меня сопровождает рядовой Петр Макуха. Родом с другого конца страны, дальневосточного городка Иман.

Макуха работал на лесопильном заводе, имел бронь и был призван летом сорок третьего. Кроме трех месяцев обычной подготовки, закончил двухмесячные курсы снайперов. Меня Петро уважает, называет чуть ли не на «вы». Круглолицый, добродушный, он возмущается, почему я до сих пор не имею наград.

– Ты же целый взвод фашистов перебил! Тут не то что медаль, орден положен.

Мне не нравится непоседливость Макухи. В прошлый раз я его отчитал. Сегодня он внимательно наблюдает за передним краем фрицев. Правда, винтовка у него без оптики и пользуется он выданной половинкой старого бинокля. Пока солнце стоит за нашими спинами, траншеи немцев видны как на ладони.

Дистанция в шестьсот метров, по словам моих старших коллег, – расстояние плевое. Почти минимальное. Дальше и лезть нечего. Для меня вроде тоже нормальное, но все же далековато, хотя я уже давно не «начинающий». В нашем полку из снайперского взвода половина выбывает убитыми или тяжело раненными уже в первый месяц. Легко раненных снайперов я почти не встречал. Так что, имея за плечами более трех месяцев охоты, тяжелое ранение и двадцать с лишним убитых немцев, мне уже было положено выбивать фрицев за семьсот и за восемьсот метров. И у меня это получалось. Правда, не всегда. Но свое оптимальное расстояние я знал. Пятьсот метров. С такого расстояния промахов практически не бывало.

А насчет дальности стрельбы? Я догадывался, что некоторые ушлые «старички», доведя счет уничтоженных немцев до тридцати-сорока, а кто и больше, получив положенные награды и войдя в разряд «заслуженных», просто становились осторожнее. Жить-то всем хочется. Нас с Ведяпиным комбат чуть не приказом на двести метров под нос немцам загнал. Ведяпин давно в земле, а я чудом тогда ускребся. Комбата не слишком волновало, что на открытой местности он нас на верную смерть посылает. Это – не город, где из развалин можно за полтора-два метра выстрелить, и вряд ли тебя засекут в грохоте уличного боя. А засекут – есть возможность уйти через развалины или подвалы.

Макуха лежал в соседней промоине. Зашевелился и, не выдержав, подполз ко мне.

– Фрицы! Глянь, Коля!

Петро едва не подпрыгивал. Я и сам видел двоих немцев, неторопливо шагавших за редкими кустами акации. Но это не наша цель. Слишком далеко.

– Не прыгай, Петро, – осадил я его. – Лежи спокойно.

Хорошая у нас позиция. Метрах в трехстах за траншеей различаю оружейную батарею. Наверное, противотанковые семидесятипятки. Я не раз видел эти приземистые длинноствольные пушки с двойным щитом. Орудия едва заметны в своих укрытиях, обтянуты маскировочной сеткой, с пучками серой травы. Хороший «подарок» для наших танкистов, если они нарвутся на батарею. Хотя официально о немецких «семидесятипятках» отзываются с некоторой долей пренебрежения (куда им до наших ЗИС-3!), но их подкалиберные, а особенно кумулятивные снаряды пробивают броню и «тридцатьчетверок» и КВ.

С ревом проносятся два скоростных истребителя «Лавочкина». Летят они стороной. У них свое задание. Жаль, что не заметили батарею. У Ла-5, кроме авиапушек, в запасе двести килограммов бомб. Сыпанули бы от души! Мелькает мысль, что, если даже «охота» будет неудачной, ночью я сообщу координаты появившейся батареи.

Напомнили о себе пулеметчики. Отстучал пару раз крупнокалиберный «машингевер». До пулемета не меньше километра, но для его калибра – это не расстояние. Если заметит нас, придется менять позиции. Мощная машинка! Жаль, у нас их очень мало. Я видел, как однажды его тринадцатимиллиметровые пули смахнули, изрешетили наш «максим». Пулеметчику пуля попала в лицо и снесла затылок. Второй номер испуганно сидел на дне окопа, глядя на труп своего товарища. Был бы ты поближе, гад, я бы кого-то из расчета припечатал. Еще один пулемет прятался в бронеколпаке. Тоже далековато, да и амбразура закрыта наполовину задвижкой. Это цель – для орудия. Да и не каждое его возьмет. Снаряды «сорока-пяток» рикошетят от округлой лобовой брони. Наконец я нашел свою цель, и снова засуетился Петро.

– Колян, ты видишь? Наблюдатели.

– Вижу! Смотри за передним краем, чтобы снайпер нас не подловил.

До артиллерийских наблюдателей метров четыреста пятьдесят. Смелые ребята. Вылезли вперед и затаились на взгорке за разбитым тяжелым орудием. Поближе к родной технике. Только двойной перископ нет-нет да блеснет. Расколоть бы его! Промажу. Да и запасные «глаза» у немцев наверняка имеются. Ничего, подожду.

Мартовское солнце пригревало спину, а от земли тянуло холодом. Уже и немецкие минометы выпустили дежурную порцию мин. И наши ответили. Сейчас не сорок второй год.

Есть чем отвечать. Но фрицы высмотрели нашу противотанковую батарею. ЗИС-3 – хорошая пушка. Подкалиберными снарядами «тигров» берет, не говоря о всякой мелочи. По батарее сыпят издали гаубицы. Там что-то горит, взрывается. Кто-то сейчас гибнет. Расчихиваются и наши артиллеристы. С закрытой позиции в сторону немцев шуршат тяжелые шестидюймовые снаряды. Взрывы. Попали, нет – неизвестно. Мы видим лишь поднимающийся дым далеких взрывов. Но немцы замолкают.

Наблюдатели, куда-то исчезнувшие, наконец снова подняли свою оптику. Один высунулся в стороне и осматривал наши траншеи в бинокль. Линзы уже блики не давали – солнце было высоко. Петро опять засуетился. Эх, Макуха, Макуха! Не годишься ты в снайперы. Характер не тот. Но промолчал, потому что в сетке прицела держал морду немецкую в каске, обтянутой маскировочной сеткой. Морда была мне видна лишь наполовину. Надо переползти метров на полста, сподручней будет. И если фрицы надумают после моего выстрела менять позицию, смогу увидеть и второго наблюдателя со стереотрубой.

Поползли. По дороге отчитал Макуху. От того, как от стенки горох. Стал напрашиваться стрельнуть за компанию.

– Башку лучше береги! Успеешь стрельнуть. И задницу не поднимай.

Макуха спорить не стал. Хоть в этом молодец! Старательно, по команде, прополз следом за мной эти пятьдесят метров. Нас укрывала прошлогодняя, хоть и невысокая, сваленная трава. Опять устроились, стали ждать. Одного наблюдателя, потерявшего осторожность, я видел хорошо. Каска, голова, плечо. Мелькнул и второй. Солнце сползло к западу, скоро наша оптика отсвечивать будет. Поймал на мушку верхнюю часть груди и, сдерживая дыхание, потянул спуск.

Редко я видел, как пуля отбрасывает человека. Если хорошо попал, валится на месте, словно подломленная кукла. А этого отбросило. Передернув затвор, дослал в ствол очередной патрон. И мы с Петром, и второй наблюдатель замерли. В нашу сторону, но гораздо правее, бил пулемет из бронеколпака. Не засекли! Меня взяло упрямство. Полдня сидели, смотрели, как немцы по нам долбят. Попробую снять второго. Не выдержат у него долго нервы! А уже ударил еще один пулемет, за ним снова крупнокалиберный. Решил – ждем пять минут и уползаем. Но второй наблюдатель оказался раньше. Торопливо уходил, пригнувшись, но сильно в узком проходе не разгонишься. Я выстрелил. Наблюдатель припустил быстрее и через несколько секунд исчез за изгибом. Промаяхнулся!

Мы поползли прочь. Второй выстрел – это уже серьезно. Нас могли засечь. До ночи пролежали в запасном окопе, слушая, как с обеих сторон перестукиваются пулеметы и доносятся взрывы мин. Перекусили колбасой с хлебом, запивая холодным чаем. Досадно, что промазал во второго, но первого наблюдателя уложил точно. Это не просто ефрейтор с пулеметом. Наверное, артиллерийские разведчики действовали, судя по стереотрубе. Обычно на такие дела опытных артиллеристов посылают, так что моя пуля не пропала даром.

– Молодец, Николай, – хвалил меня Макуха. – Жаль, что второго упустили.

Он был еще совсем зеленый. Не знал, что день был удачный. Я поразил цель, нас не накрыли минометы, и уже смеркалось. Скоро двинемся к своим.

– Подтвердишь в штабе, – солидно проговорил я.

– Двоих? – тут же среагировал Петро.

– Трех... Ты брехать не приучайся. Один у нас сегодня на счету. Зато не простой фриц, а разведчик.

Еще я надеялся, что накроют противотанковую батарею. Но немцы рисковать не стали и ночью батарею перебросили на другое место. Догадались, что я ее заметил.

А комбат утром, не обнаружив немецких пушек, кисло поддел меня:

– Долго чухался. Немцы нашу батарею накрыли. Два орудия разбили.

Намекал, что я наблюдателей раньше не снял. Ну что ему ответить? Эту нашу батарею в низине легко было заметить и без тех двух наблюдателей. Сообщить ему «новость», что артиллерии и снарядов у немцев гораздо больше. По крайней мере, на нашем участке. Ответил, словно оправдывался:

– Не было возможности раньше стрелять.

– Не было!.. – хмыкнул комбат. – Ну, иди.

Я вышел. Обласкал. Комбат раньше был неплохим мужиком, но «звездная болезнь» очень часто меняет людей. Когда я пришел в полк, он был всего лишь старшим лейтенантом, одним из безвестных командиров рот, которые меняются едва не каждый месяц. А сейчас майор, три ордена. У командира полка в авторитете.

В 295-м стрелковом полку мне посчастливилось воевать с октября 1943 по конец апреля 1944 года. Очень большой срок в условиях ожесточенных боев, да и вообще в условиях войны. За это время сменилось три командира восьмой роты, где я начал свой путь на передовой. Пусть простят меня товарищи по оружию, но имен и фамилий многих из них я не запомнил. Сколько раз бывало, познакомишься с парнем, он из Саранска, я из-под Инзы – считай, земляки. День-два, и он гибнет в первом бою. Даже где похоронили, не всегда знаешь.

Добром буду вспоминать своего первого командира взвода, Василия Ивановича Шишкина, Асхата Абдулова, бурчливого Семена (может, фамилия у него была Семенов?). А опытный, казавшийся порой занудным, мой первый снайпер-наставник, Иван Митрофанович Ведяпин. Если бы он меня не одергивал, не натаскивал, как молодого щенка, давно бы накрыли меня немцы с моей снайперской винтовкой, которой я гордился.

С уважением вспоминаю командира роты Вадима Викторовича Риккерта. Он стеснялся своей фамилии. Некоторые обозленные солдаты обзывали его «фриц» или «жид». На самом деле отец у него был эстонцем, а мать русская. Риккерт после военного училища закончил какие-то курсы, где полтора года преподавал, готовил офицеров, занимался научной работой. Мог и дальше в тылу пересидеть, но после нескольких рапортов добился отправки на фронт.

Командиром Риккерт был умелым. И самое главное – думающим. Вот этого многим не хватало. Сколько людей наш прежний ротный Черкасов, по пьянке, бездумно выполняя приказы, в лобовых атаках погубил? Конечно, за невыполнение сам бы пошел под трибунал. Но Черкасов о солдатских судьбах не слишком переживал. Так его комбат воспитывал, а комбат – высшее начальство. Таки шло по цепочке: от маршалов до капитанов. Риккерт военный опыт приобрел быстро. К людям относился с пониманием и перед командиром батальона не тянулся. С достоинством держался. Мы догадывались, ясно видно было, что комбат его не слишком жаловал. Кому самостоятельные и думающие подчиненные нравятся! Ротный часто советовался с Шишкиным, Абдуловым и бывальными рассудительными солдатами.

Знал я, что Вадим Викторович болезненно относился к нашим обычным атакам «в лоб», когда рвались, выполняя приказ, очертя голову, и откатывались, половину людей оставляя на поле. Комбат, тот другого поля ягода. Вылупит глаза, орет:

– Чего ты мне фигли-мигли закручиваешь? Про Суворова слыхал?

Риккерт только губы кусал. Тактику и боевой опыт нашего прославленного полководца он знал куда лучше, чем комбат. Но менялись времена, и «штык-молодец» уже не срабатывал.

Если говорить про моих командиров и однополчан, то скажу, что в восьмой роте подобрался крепкий состав. Только идиоты могли оскорблять за спиной старшего лейтенанта. Да и то, материли не его, а собачью жизнь в мерзлых окопах и безнадежное будущее. Большинство Риккерта уважали. Комбат, как я говорил, нашего ротного не жаловал. Старший лейтенант ему задницу не лизал и при всей своей интеллигентности мог ответить резко, не слишком заботясь о последствиях. А приказы выполнял, проявляя смекалку и решительность.

Бывало, самовольно посылал подготовленных бойцов с флангов. Договаривался с батареей, которая обеспечивала артподготовку, чтобы те не мешали, били по нужным целям. Это давало результаты. Риккерта приметили в штабе полка, и он вскоре получил капитана. Но из-за отца-эстонца в должности его не слишком двигали.

Добавлю еще, что Риккерт раненых на поле боя никогда не оставлял. Да и погибших старались похоронить сами. Далеко не везде так было. Я не числился в штате восьмой роты, но как прикипел к ребятам, так и старался держаться к ним поближе. Тем более моя «специальность» давала мне известную свободу. Комбат требовал количества. А снайперы давали результаты даже в глухой обороне. С нашим участием сводки выглядели более солидно.

В штабах полков, дивизий строчки «уничтожено столько-то солдат и офицеров противника» принимали с удовольствием. Эти цифры шли дальше по инстанциям. Снайперские вроде не слишком приметные результаты давали за неделю ощутимые цифры. Плюс сводки артиллеристов и пулеметчиков показывали, что немцы несут реальные потери. Хотя врал безбожно. Мне нередко не засчитывали наверняка уничтоженного фрица, а в сводке наверх он входил в счет. А минометы или пушки? Там вообще порой трудно разобрать, куда, в кого попали. Загорелось или взорвалось что-то в траншеях или ближнем тылу, расписывают и склады уничтоженные, и орудия, и столько-то солдат противника убито и ранено. Будто кто-то лез в тыл и считал. Впрочем, этим враньем во всех войнах грешили.

Вспоминается короткий анекдот про нашего великого полководца Александра Васильевича Суворова. Докладывают ему после успешного сражения количество уничтоженных вражеских солдат и офицеров.

– Восемь тысяч побили, ваше сиятельство. Что государыне отписывать будем?

Суворов, подумав, отвечает:

– Пишите матушке – двадцать тысяч. Чего их, басурманов, жалеть! Да и государыне приятнее читать будет.

Погиб Петро Макуха. Дней через пять после того, как мы «сняли» артиллерийского наблюдателя. Подвела его привычка суетиться и высовываться, от которой он так и не сумел избавиться. Полк по причине жуткой распутицы, а может, из-за больших людских потерь, продолжал стоять в обороне. Вязкий чернозем налипал на сапоги огромными комьями. Пока добивались до места засады, и маскировки не требовалось. Лежали грязные с ног до головы.

На этот раз нашей зоной «охоты» была территория напротив седьмой роты, на стыке со вторым батальоном. Как и любой стык между подразделениями, он был укреплен сильнее, чем остальные места. Врывшись в гряды плоских холмов, стояла хорошо замаскированная батарея легких трехдюймовых «полковушек», несколько минометов, а сквозь брустверы торчали стволы противотанковых ружей. Было здесь побольше и пулеметов. Поэтому немцы тревожили седьмую роту чаще, стараясь выбивать не только личный состав, но и уничтожать вооружение.

Комбат дал задание нам лично. С утра он был в хорошем настроении. Может, потому, что наладились отношения с молоденькой телефонисткой Людой, которая последнее время отталкивала его. Надоело быть ППЖ – походно-полевой женой. А у комбата семья в Липецке и двое взрослых сыновей. Историю Люды я знал. Она встречалась с таким же молодым взводным лейтенантом, и, по слухам, отношения у них были серьезные. Но комбат, которому приглянулась Люда, со скандалом забрал ее в батальон. Лейтенанта вскоре тяжело ранило, его отправили в тыл, а комбат, изображая влюбленного (может, и правда влюбился), прибрал к рукам молодую девчонку, годившуюся ему в дочери. Многие окончательно перестали уважать Орлова.

– Какой он к хренам орел! – плевался его ровесник, новый старшина из «старичков». – На свежатинку потянуло.

И добавлял заковыристое ругательство.

А в тот мартовский день Орлов, сверкая тремя начищенными орденами, инструктировал нас с Макухой, обращаясь ко мне:

– Ты, Першанин, наведи там шороху. Постарайся офицера подстеречь, а то они шибко гордые. Пушка у них «собака», тоже вредная сволочь. Если одного-двух из прислуги положишь, заткнутся гады.

Мимо нас, не поворачивая головы, прошла телефонистка Люда. В новенькой гимнастерке, хорошо сшитой узкой юбке, перетянутой офицерским ремнем, хромовых сапожках. Я проводил ее взглядом. Хорошо, сучка, устроилась! Напоена, накормлена, в тепле. А про своего лейтенанта, который то ли жив, то ли нет, наверняка забыла.

– Понял, сержант?

– Так точно, товарищ майор.

И поплюхали мы смотреть будущую позицию. Командир седьмой роты, не любивший снайперов, сразу предупредил:

– Выбирайте нору не ближе, чем за двести метров от траншеи. Мне после вашей пальбы только артиллерийского обстрела не хватало.

– До фрицев и четырехсот метров не будет, – возразил я. – В траншею, что ли, к ним лезть?

– Вот и подбирайся поближе. А то ночью отсыпаетесь, днем дрыхнете в укрытии. Пальнете, куда попало, и работа закончена.

– Быстро вы, товарищ капитан, наших сторевавших ребят забыли. Тех, под танком, – угрюмо напомнил я.

– Ты меня не учи!

Ротный-семь был в звании капитана, и я знал, что в случае чего именно он будет заменять комбата. Уже и замашек набрался. Ждет не дожидается, когда Орлова на повышение уберут или ранят. А может, убьют... Ему, ротному, под носом у немцев тоже воевать надоело. В одной траншее с бойцами. Сколько их, ротных, гробится! А комбат – это уже фигура. И лоб под пули необязательно подставлять.

Пораньше поужинав и выпив по кружке горячего чая, мы с Петром пошли спать. А часа в четыре утра, хлебнув на дорогу кипятку, отправились на позиции. Место я уже вчера выбрал.

Полоса кустарника, изрытая воронками. Правда, сверху никакой защиты, зато шагов восемьдесят пространства, где можно переползти с места на место. До ротных траншей метров сто шестьдесят, до немцев – двести с небольшим. Близко! Если заметят, не уйти. Меня больше бы устроил разбитый блиндаж, метрах в сорока за спиной и многочисленные глубокие воронки вокруг него (запасные укрытия). Но капитан, догадываясь о моих мыслях, предупредил:

– В блиндаж не лезьте! Там наблюдательный пункт.

Ну и черт с тобой! Выбрали мы с Макухой две воронки. Немного углубили, вырыли между ними лаз. Кусты, посеченные осколками и пулями, сдвинули потеснее. Набросали жухлой прошлогодней травы. Оборудовали запасной окоп в двух десятках метров. Подрыли углом переднюю стенку, чтобы небольшой козырек иметь. Все равно понимаю, укрытие слабое, да еще под самым носом у фрицев. Если засекут и начнут мины кидать – хана! Одно спасение – затаиться и не двигаться. Ну, а уж после выстрела, если не в запасной окоп, так в блиндаж придется нырять. Но туда по плешине ползти, под пулеметным огнем.

В блиндаж я ночью все же сползал. Брежет капитан, нет там никакого наблюдательного пункта. Стоит вода, не меньше чем по пояс, густо тянет мертвечиной, которая перебивает все остальные запахи: гнили, тухлой воды. Пристроиться здесь можно. На выходе, между расколотыми плитами. Но ссориться с ротным не хочу, и так полсотни метров отвоевал. А если к рассвету и правда наблюдателей придет, скандала не избежать.

Незаметно рассвело. Немцы под боком. Увеличенное вчетверо оптическим прицелом лицо немца смотрело, казалось, прямо на меня. Рядом винтовка. Неподалеку еще двое. Пуле-

метчик с легким пулеметом «дрейзе». Не стреляют. Слишком близко позиции. Ну и мы подождем. Появится поблизости снайпер или наблюдатель с оптикой – точно приметит. Торопиться нам ни к чему. Даже если хорошая цель с утра подвернется, весь день мы в этих воронках не продержимся. Высыпят десятка два 50-миллиметровых мин, расстояние плевое, а взрываются они едва земли коснутся. Предупредил я в очередной раз Макуху:

– Лежи и не высовывайся. Наблюдать буду сам. Травой хорошо замаскируйся. Не дай бог, летуны заметят. Ребята ушлые, молодые. И свои, не разбираясь, могут влить очередь. Их никто не предупреждал, что снайперы в воронках прячутся.

Как назло, появляется то одна, то другая цель. То связист, почти не пригибаясь, по грязи шлепает, катушку тащит. У куста помочился, застегнулся, дальше побрел. Но эта цель так себе, мелочь. Разглядел «собаку», автоматическую 3 7-миллиметровку. Пятсот метров с копейками. И командир орудия нет-нет да высунется, чуть не по брюхо. Подготовленный артиллерист. Если его ухлопать, потеря для врага немалая. Их по полгода учат, и хороших пушкарей всегда не хватает.

Как накликал летунов. Над самой головой пронеслись три штурмовика и два «Яка». Сжался в комок. Но все пять самолетов промелькнули мимо, вскоре застучали немецкие зенитные автоматы, грохнули взрывы бомб, застучали авиапушки. Назад вернулись все пять самолетов. Один «Як» дымил, делая нырки. Подстрелили. Но уже своя земля, не пропадет летчик.

А Макуха не выдержал. Увидел офицера, высунувшегося из-за бруствера. Командир взвода или роты наши позиции изучал. Я его тоже хорошо видел, даже без оптики. Словно судьбу свою фендрик испытывал. То в одном месте, то в другом месте появится, снова к биноклю прилипнет. Думаю с досадой, хоть бы его наши из «максима» пугнули! Молчат. А Макуха, про все забыв, решил отличиться. Я только успел негромко крикнуть:

– Стой! Нельзя.

И сразу выстрел. Был уверен мой напарник, что с двухсот пятидесяти метров не промахнется. А как потом целый день отсиживаться и где прятаться от мин, не думал. Потропился. Пуля, наверное, в руку попала. Дернуло офицера, развернуло, бинокль подскочил, и сразу исчез фриц. Я от злости горсть земли сжал, едва жевать не стал.

– Уходим!

Поползли прочь от места выстрела. А там уже одна, вторая мина ахнули. Мокрые ошметки по спине застучали. Мины серьезные, восьмидесятимиллиметровки. Ныряем из одной воронки в другую, а очередная мина уже метрах в семи сбоку рванула. Ноги взрывной волной подбросило, ядовито пахнуло взрывчаткой. Макуха позади полз. Живой? Пока да. А что там через минуту будет... Кусты не слишком густые да еще по-зимнему голые. Увидели нас. Пошли пулеметные трассы. В метре над головой идут. Жутко. И еще эти чертовы мины. Все, конец! Такая мысль мелькнула у меня. Девятнадцать годков бог отмерил – весь мой век.

И на месте лежать нельзя. Накроет миной. И ползти не менее опасно. Пули визжат, воют, разрывные, как пистолетные выстрелы хлопают. Макуха голову приподнял:

– Колян. Что делать бу...

И не договорил. Мотнуло голову набок. Каску сорвало, из-под капюшона выбило. Подполз ближе. Готов мой Макуха! Вместе с каской голову навывлет пробил. С правой стороны кусок кости торчит и течет красное с серым. С минуту я, как оглушенный, лежал. Пришел в себя от очередного взрыва и, уже не раздумывая, пополз к блиндажу. Полз так, что земля из-под подошв отлетала. Локтями лихорадочно отпихиваюсь, кажется, лечу над землей. Мама! Под носом очередь в чернозем вошла. Вторая в сантиметрах над головой, едва шапку не задела. Я каску на «охоту» не надевал. Тонкие у нас каски были, жестянки. Толку мало, а слышимость ухудшает. Третья очередь – и снова в меня. Сплошная, нескончаемая. Смесь из трассеров, разрывных и еще черт знает каких.

Но дополз я до блиндажа. Нырнул в дыру, не чувствуя вони. Присел в воду. Минут двадцать отходил, слушая, как взрываются мины и стучат пулеметы с обеих сторон. Потом захолодало, затрясло от ледяной воды. Вылезать боюсь. А тут еще вода от взрывов рябит и гонит ко мне чей-то давнишний труп. Отпихнул его прикладом. Вытерпел еще час и выполз под укрытие бетонных обломков. Немного отошел, кое-как дождался темноты и переполз к своим. Ротный-семь глянул на меня, мокрого, облепленного грязью.

– Убили напарника?

– Да. Может, вытащим?

Капитан проводил взглядом очередную осветительную ракету, выпущенную немцами. Неживой, мертвенно-белый свет заливал нейтралку. Ракета опускалась медленно, на маленьком парашюте.

– Пусть лежит. Чего людьми рисковать? У меня и так сегодня минами двоих накрыло. Наступление начнется, подберут, похоронят. Ладно, иди, чистись и шагай в свой штаб. На доклад...

Ординарец капитана дал мне воды, щетку, и спустя четверть часа я шагал к штабу батальона. В воздухе ощутимо пахло весной. Март на исходе. Было жалко Макуху, обидно, что капитан не предложил даже чаю. А мог бы и водки. Впрочем, за какой хрен? За то, что пролазал день безрезультатно, помощника погубил, да еще такую кутерьму поднял. Может, из-за нас с Макухой двоих бойцов в роте убило или ранило. Капитан сказал «накрыло». А насмерть или подранены – я спросить не решился.

Распутица и бездорожье ранней весны сорок четвертого года хоть и замедлили наступление, но фронт продолжал катиться на запад. Наш полк тоже готовился к наступлению. Помню, возле штаба толпились одетые в новую, необмятую форму наголо стриженные мальчишки, почти дети, парни постарше и пожилые, в моем понятии, лет за тридцать. Выделялись смуглые худые ребята из Средней Азии, державшиеся особняком.

– Откуда приехали? – спросил я у одного.

Тот неопределенно пожал плечами. Второй тоже не понял, а может, сделал вид, что не понял вопрос. Если бы мне кто тогда сказал, что большинству из них, ехавших долгие тысячи верст из своих далеких аулов и кишлаков, наша война совершенно не нужна, я бы возмутился и не поверил. Большинство из них погибли в первых же боях, но уцелевшие быстро «вспомнят» русский язык и станут неплохими солдатами. Заматеревшие, в затянутых гимнастерках, с медалями, ладно сидевшими пилотками, они вольются в общий поток защитников и освободителей страны. Поэтому я терпеть не могу слово «чурка». Погибших узбеков, таджиков и многих других южан хоронили в тех же братских могилах, что и русских, украинцев, белорусов. У нас была разная вера, но над братскими могилами молитвы никто не читал.

Поступило новое вооружение. Противотанковые пушки ЗИС-3, станковые пулеметы Горюнова, более легкие, современные, с тонким стволом, не нуждавшимся в водяном охлаждении. В ротах стало заметно больше автоматов. Примерно треть восьмой роты была вооружена ППШ, с круглыми дисками и новыми рожковыми магазинами на тридцать пять патронов. Рожковые магазины были более надежными, чем диски, с их довольно сложной пружиной. Но стали поступать жалобы, что рожки легко выскакивают из пазов при резких движениях. Большинство бойцов предпочитали пользоваться старыми привычными дисками на семьдесят патронов. Их большая емкость давала преимущества в скоротечном наступательном бою, схватках в траншеях, когда некогда менять магазины.

Я продолжал выходить на «охоту», увеличивая счет убитых немцев. Когда он дошел до тридцати, комбат Орлов твердо пообещал написать представление на орден Красной Звезды. Но накопившаяся неприязнь к Орлову и пережитая не раз близость смерти изменили меня.

– Спасибо, товарищ майор. Вы меня и так медалями обвешали.

Орлов посмотрел сначала на телефонистку Люду, которая по-хозяйски крутилась в добротной просторной землянке, а на связи сидел молодой боец.

– Выйди, Людмила, – тихо проговорил он.

Женщина молча удалилась, а майор, не приглашая меня сесть, сказал:

– Заелся, сержант?

– Чем я заелся? – кипела во мне злость. – Мясом, что ли? Так в каше я его и не увидел.

До меня сожрали.

– У жида Риккерта нахватался привычек?

– Он не жид. Отец – эстонец, мать русская.

– Эстонцы те же фашисты. Немцев с хлебом-солью встречали.

– Не знаю, не видел, – резко отозвался я.

Орлов, наверное, понял. Разговор на таких тонах между командиром батальона и каким-то сержантом принижает прежде всего комбата, с его тремя блестящими орденами и майорской звездой. Он сменил тон.

– Сапоги у тебя замухрыженные. Сходи к старшине, получи новые. И шмутье пусть смени, смотреть гребостно.

– Срок носки еще не вышел, – лез я на рожон. – Постираюсь, почищусь, только с нейтралки явился. А сапоги дружок подлатает.

– Кругом! – рявкнул Орлов. – Выполнять, сержант!

Так я получил новые добротные сапоги и все остальное. Помылся, влез в хрусткое свежее белье и отправился отдыхать.

Примерно к тому же периоду, после двух-трех дежурных вылазок, относится врезавшийся мне в память «поединок» с немецким минометом. Как ни странно звучит, но пережил я и такой эпизод. Один из последних в моей карьере снайпера.

Это был легкий немецкий миномет, калибра 50 миллиметров, о котором я не раз упоминал и который попортил мне немало крови. Миной из него убили моего первого наставника в снайперском деле, Ивана Митрофановича Ведяпина.

В 1944 году эти минометы уже начали снимать с вооружения и наши войска, и немецкие в связи с недостаточной мощностью. Но использовались они еще широко. Вредной штукой была эта короткая труба с четырехугольной плитой. Весил миномет всего 14 килограммов, а сама мина – 900 граммов. Бил он на полкилометра. Обслуживал миномет расчет из двух-трех человек. Пользуясь тем, что его можно легко перетаскивать с места на место и устанавливать даже в небольших воронках или окопчиках, немцы применяли этот «самоварчик» довольно активно. Благо наштамповали их еще до войны в достатке, да и мин хватало.

Заранее присмотрят пулеметное гнездо или легкую землянку, где толкнутся в траншее солдаты, и внезапно высыпят в нужное место десятка три-четыре мин размером с переспевший огурец. Благо скорострельность у «самоварчика» была 20 мин в минуту.

Конечно, не такая это грозная штука. Не сравнишь с шестиствольным «ишаком» калибра 158 миллиметров или гаубицей, но нашего командира Орлова чересчур активный расчет достал. В одном месте изрешетил осколками командира взвода, слишком долго маячившего над бруствером, в другом мины накрыли кучку бойцов, некстати затеявших байки. Двоих убило, и еще один умер в госпитале. Такой же миной разбило новенький пулемет Горюнова, переломив ствол и контузив расчет. И самое главное – едва не угробило комбата Орлова, с его орденами, майорской звездой и надеждой непременно занять должность командира полка. Ему бы свиту поменьше с собой тащить, так ведь сам Орлов явился лично передовую обозреть и наметить одну из лихих, чаще бесплодных атак. Может, злость во мне играла, но я был доволен, что торжественный выход «полководца» не состоялся.

Немецкий расчет засек фуражки, бинокли, погоны и влупил, не скупясь, штук тридцать мин. Серьезных потерь не было. Кого ранило, кого контузило, но Орлов убежал резво, в разорванной гимнастерке, облепленный грязью.

Вызвал почему-то меня.

– Выследи этого гада. Почти под носом мины швыряет. А пушкарки мух не ловят.

Пушкарки и «самовары» наверняка получили это же задание с присказкой, что снайперы только «груши хреном трясут». Задание как задание. Хотя минометчики из окопов бьют, выстрелы почти бездымные. Засечь расчет трудно. Единственный козырь на моей стороне, что под носом они ползают. Где-то в метрах за триста пятьдесят – четыреста. Миномет, хоть и вредный, но не дальнобойный.

Сходил я в седьмую роту, где раздраженный моим прошлым визитом капитан отрядил мне в помощь шустрого бойца. Тот показал искореженный пулемет, не преминул рассказать со смешками, как товарищ майор без фуражки убежал. А его комком грязи так в поясницу швырнуло, что чуть с ног не сбило. Злорадствовали бойцы над высокомерным Орловым, не прощая ему непродуманные атаки и напрасные жертвы. Но, в общем, боец оказался наблюдательным, рассказал толково обстановку, и я принялся выслеживать немецкий расчет.

Два дня наблюдал за передним краем. На глазах у меня убили связиста. Рано утром, едва рассвело, тот шел, слегка пригнувшись, с катушкой за спиной. Услышав свист мины, бросился на землю. Поздно! Чертов «огурец» осколочного действия взрывается мгновенно. Даже воронка не оставляет. А острые зазубренные кусочки металла летят прямо над землей. Раненый связист пополз, оставляя за собой пятна крови. Из перебитой катушки торчали обрывки проводов.

– Лежи! – кричали ему из окопов.

А что толку? Хоть лежи, хоть ползи, если укрытия нет – от серии мин не спасешься. Хлопнули еще подряд с десятков мин, накрывая связиста, а заодно и траншею.

Я увидел только, как мелькает вдалеке темное пятно. Спешно уползали немецкие минометчики.

Со злости пальнул вслед пару раз. Не успел. А охота продолжалась почти неделю. За это время я подстрелил высунувшегося наблюдателя, но главная цель – ловил расчет. И поймал. Выполз на нейтралку, поближе к немецким траншеям, и таким же влажным холодным утром метров с трехсот свалил минометчика, когда расчет неосторожно высунулся. Ударил и по второму номеру. Зацепил. Тяжело или легко – не знаю. Но третий номер, подхватив раненого, пополз прочь, а по мне дружно ударили пулеметы.

Приполз, как обычно, весь в грязи, долго не мог отдышаться. Кто хвалит меня, а кто бурчит:

– Ну, сейчас немец ответ на блюдечке принесет!

А капитан Риккерт задумчиво проговорил:

– Молодец ты, конечно, Николай. Целый взвод немцев уничтожил. И миномет этот вредный заткнул... но тяжело, когда человек с восемнадцати лет убивать привыкает. У него вся жизнь впереди, а за плечами такой груз.

Я сидел, отогреваясь в его землянке, пил горячий чай и ел поджаренный ординарцем на печке вкусный ржаной хлеб. Водку мне Вадим Викторович не предлагал. Его слова не доходили до меня. Я вернулся с передовой, был жив, впереди день отдыха. Судьба убитых мною немцев меня не трогала. Философия... Хороший человек Риккерт, а порассуждать любит.

– Пишут твой? – переменял тему капитан.

– Пишут, – откликнулся я, хрустя очередным сухарем.

– Ау меня от брата ни слуху ни духу с мая сорок второго. Пропал под Харьковом.

– Может, в плену?

– Может, и так.

Насчет плена я лицемерил. Для меня плен был страшнее смерти. Так я был воспитан. Не зря нам долбили, что в Красной армии пленных не бывает. Есть предатели.

– Ты береги себя, – неожиданно проговорил Риккерт. – Страшно, когда сыновья гибнут, а родители живут. Охоту эту дурацкую за минометом устроили.

– Комбат приказал уничтожить.

– Приказал... – Капитан хотел что-то добавить, но промолчал.

После перегруппировки дивизия и наш полк вступили в ожесточенные бои в районе города Каменец-Подольский. Наступление, начавшееся успешно, наткнулось на жестокую оборону и контратаки немцев. Здесь была окружена и уничтожена 1-я немецкая танковая армия, имевшая на вооружении тяжелые «тигры», штурмовые орудия «фердинанд», знаменитые танки «пантера».

Эта техника уже проявила себя и на Курской дуге, и под Корсунем-Шевченковским, где наши танковые войска понесли большие потери. Серьезное сопротивление оказали они и здесь. Крупная немецкая группировка, насчитывающая 23 дивизии, была ликвидирована и частично уничтожена войсками нашего Первого и Второго Украинских фронтов. Но многие немецкие подразделения прорвались, и полного разгрома, «котла», как под Сталинградом, не получилось.

Все это я узнал потом, а пока весь мой масштаб был пехотный батальон, рота. Та самая, восьмая, где я начал свой путь в августе сорок третьего года.

В середине апреля погибли мой старый товарищ Асхат Абдулов и капитан Риккерт, офицер, ставший для меня примером и которого я не раз вспоминал сам, надев офицерские звездочки.

Они погибли в один день. Второй и третий батальоны брали укрепленный пункт, оборудованный немцами на месте разрушенной деревни. И опять эти сволочи сидели в укрытиях, на холме, а мы наступали снизу. Танки и самоходки, приданные полку, подавили часть артиллерийских батарей и вели за собой пехоту. Потом взорвался ведущий танк, тяжелый КВ-1. Мина разорвала ему гусеницу. Машину крутнуло. Если КВ станет бортом к немцам, это для танка конец. Подкалиберные и кумулятивные снаряды, которые широко использовались немцами, пробивали наиболее защищенную, лобовую часть наших танков, не говоря уже о бортах или корме.

Но КВ крутнулся, подмяная собственную гусеницу, и, встав прямо, как и шел, открыл огонь из пушки. Я знал, что у танкистов сложная система инструкций, когда можно покидать танк, а когда нельзя. Значит, этому экипажу нельзя было бросать машину с разорванной гусеницей и выбитыми колесами. Они попали бы под трибунал. Несколько «тридцатьчетверок» быстро двигались вперед, стреляя с коротких остановок. Выстрелы у них были звонкие, как из огромного пистолета. Я впервые видел и участвовал в атаке совместно с танками.

В тот день я понял, что все невзгоды пехоты, огромные потери трудно сравнить с жуткой судьбой танкистов. Страшная у них была смерть. Одна «тридцатьчетверка» вспыхнула, как факел. Из верхнего люка показалась голова в шлеме, руки схватились за края люка. Но человек горел, как свечка, и, замерев на секунду-две, с криком исчез в пылающей дыре. Грохнули сдетонировавшие снаряды, и башня, подброшенная на метр или полтора, свалилась с корпуса. А из открывшегося отверстия огонь бил уже струей, как из огнемета. Потом утих, и то, что было машиной и четырьмя живыми людьми, густо дымя, горело уже ровно, словно поленница дров, облитая соляркой.

События того и последующих трех-четырех дней ожесточенных наступательных боев остались в памяти отдельными эпизодами. Вот загорелись еще два наших танка, и остальные, пять или шесть, попятились назад. «Клим Ворошилов» продолжал стрелять. Я видел, как

летели искры из его лобастой массивной башни. Видимо, рикошетили бронебойные снаряды. Немцы стреляли издалека, я думаю, с расстояния метров восемьсот, если не больше.

С КВ сорвало плоский запасной бак с горючим на корме. Второй бак, разлохмаченный взрывом, забрызгал горячей соляжкой корму. Танк сделал еще несколько торопливых выстрелов, а затем из горевшей машины стали вылезать танкисты. Их было пятеро. Одного тащили на руках. Мы поддерживали их огнем из пулеметов, автоматов. Риккерт тоже стрелял из своего ППШ. Мы очень хотели, чтобы ребята спаслись после того, что пережили в бронированной коробке, которую без усталости долбили немцы.

Они уже отбежали от танков метров на двадцать, когда их все же поймал в прицел тяжелый немецкий танк. Это были 88-миллиметровые снаряды. Взрыв, потом второй накрыли танкистов. До разрушенного дома, возле которого мы залегли, добежали двое. Помню, один был весь в крови и, заикаясь, повторял, показывая рукой на дымящиеся воронки:

– Там, комбат... майор там.

Увы, возле воронок лежали засыпанные землей, смутно различимые куски человеческих тел. Прямое попадание. Этим двоим повезло. Контуженый танкист никак не давался перевязать его, вырывался, кричал. Второго трясло мелкой дрожью. Говорить он не мог и почти не слышал. Ему сунули сигарку, но после двух затяжек он схватился за грудь. Закашлялся, изо рта потекла зеленая слюна. И еще я заметил, что уши у него покрыты толстой коркой засохшей крови. Как быстро сворачивается и засыхает человеческая кровь.

Мы атаковали уже без поддержки танков среди бела дня. Наверняка меня спас Риккерт. Капитан оставил для поддержки станковый пулемет Горюнова и меня.

– Бейте по пулеметам. Пулеметы, поняли?

А сам достал свисток. В другой руке он держал автомат. Рота бежала молча. Вдруг поднялся и побежал следом перевязанный танкист. Он, единственный, что-то кричал и бежал вперед без оружия, размахивая кулаками. К двум-трем немецким пулеметам, которые вели непрерывный огонь, присоединились еще несколько.

В этот день я нагладелся смертей больше, чем за все мое пребывание на фронте. Вдруг упал командир роты, Риккерт. Попытался встать. Вокруг него плясали фонтанчики пуль. Ординарец свалился рядом. Тоже хотел подняться, но осел на вытянутых руках.

– Ротного убили! Убили...

Я подбежал к Риккерту. Его плотно затянутая портупеей шинель была сплошь излохмачена пулями. Кто-то доставал документы. А команды отдавал уже младший лейтенант Шишкин. Злой, насупленный, в своей старой исцарапанной каске.

– Вперед, не останавливаться!

Я стрелял по пулеметным вспышкам. У меня был свой запас патронов, аккуратно протертых, разложенных отдельно: бронебойные, зажигательные, обычные. Я расстрелял их за полчаса и выгреб подсумок у одного из убитых. Потом разжился патронами у пулеметчиков.

Помню, уже во второй половине дня, мы с Абдуловым, Семеном и другими бойцами перебирались через немецкую траншею. Ее накрыли авиабомбами и тяжелыми снарядами. В траншее лежало много немецких трупов. Некоторые без видимых повреждений. Я попытался расстегнуть ремень у одного из немцев и снять кинжал в хороших ножнах. Тело подалось под моими руками, как мешок, наполненный чем-то вязким. Все внутренности, кости были перемолоты, как мясорубкой, силой чудовищных толчков. Наверное, здесь рвались бомбы-пятисотки или двухсотмиллиметровые гаубичные снаряды. Стало жутко, и я, отшатнувшись, полез из траншеи.

Потом убили Асхата Абдулова. Моего друга. Хорошего, надежного парня, оставившего в Чистополе семью и детей. Асхат тоже попал под пулеметную очередь. Пробитый целой строчкой, в дымившейся телогрейке, он упорно не хотел умирать. Когда расстегнули телогрейку, увидели, что из пулевых отверстий на груди толчками выбивается кровь, а под спиной натекла

целая черная лужа. Мы перевязали его уже мертвого. Документы и две медали «За боевые заслуги» забрал Семен.

– Меня эти сволочи не скоро убьют! – заявил он. – Троих детей на ноги ставить, да еще четвертого сам сделаю.

Я думал, что после всего увиденного мне кусок в горло не полезет. Но вместе с другими я жевал сухой паек, рассчитанный на живых и мертвых: черствый хлеб, тушенку, селедку, сахар, запивая водой из помятого ведра, пахнувшего бензином. Кто-то рассуждал, что лучше идти в бой с пустыми кишками. А с полными, если пуля угодит – каюк! Спросили мнение у старшины, авторитета в вопросах харчей.

– Жрите, пока есть что. А на ужин не надейтесь... да и на завтрак тоже. Тылы отстали. – Он пригляделся к оживленно шушукующимся двум бойцам. – Хорошо приняли?

Те весело отмахнулись. Пили водку в наступлении почти все. И на убитых, еще не списанных, «наркомовские» получали, и трофеи имелись: шнапс, красное вино в длинных черных бутылках, кисло-сладкое, приятное на вкус.

– Наркомовские, для крепкого удара, – заплетающимся языком объявил один.

– Ну-ну, лакайте, – сплюнул старшина. – Вот долго ли пьяные проживете!

Водка в наступлении была бедой. Кто не знал меры, лезли напролом и гибли. И командиры часто смотрели на пьяных сквозь пальцы. Я тогда об этом сильно не задумывался – пил очень немного. Но и командиров как осуждать, если без водки в атаку не поднимешь? Хотя и шла война без малого три года, а техники и снарядов не хватало. Весной сорок четвертого мы еще в лоб на ура лезли. Убитых только взводные да ротные считали, передавая сводки. Правда или нет, но по слухам, с командиров за большие потери не взыскивали. Лишь бы вперед шли и приказы выполняли. Маршевые роты и батальоны день и ночь шли к передовой, заменяя убитых.

Помню еще, что когда мы обедали, мимо прошла группа крестьян: две женщины с детьми, дряхлая старуха с клюкой, дед в полушубке. Следом бежала собачонка. На тележке были навалены тряпки, закопченные чугунки и всякая рухлядь. Почти все несли за спиной котомки. Мимо нас они прошли молча, лишь мельком глянув. И во взглядах почудилась мне неприкрытая неприязнь, может, и ненависть. Освободители подкрепляются, а они, потеряв дома, все нажитое, бредут неизвестно куда.

Их окликнули, и маленькая собачонка, поджав хвост, спряталась за спины беженцев. Помню, что сунули им буханку хлеба, несколько селедок (тушенки было мало), а детям отдали сахар. Кто поклонился, кто сказал «спасибо», дети захрустели сахаром, и группа двинулась дальше. Какие-то куски бросили собачонке.

– Хотя бы «спасибо» сказали, – проговорил один из бойцов.

– За какой хрен? – разозлился Семен. – Что они три года под немцем жили, а сейчас в норах да без жратвы сидеть будут. Освободитель!

Во многом Семен с его постоянной злостью был не прав. Сколько сегодня с утра людей погибло. Но и обещанная победоносная война «малой кровью» на вражеской земле» не получалась. Три года воюем, а еще половина Украины под немцем, Белоруссия, Прибалтика, Молдавия...

Апрельские ожесточенные бои продолжались. И в газетах и на политинформациях мелькали названия: Винница, Тарновицы, Чернополь... Мы наступали. Но с какими потерями! Шли вслед за танками, буквально по трупам наших и немецких солдат. наших лежало гораздо больше. Апрельское солнце быстро разлагало тела. Порой было просто невозможно дышать. Однажды мы хотели обойти поле, сплошь покрытое раздутыми трупами. Негде было ступить. Шишкин просил комбата обойти поле стороной. Тот ответил коротко:

– Там мины. Шагайте напрямик.

Осунулся и как-то попроще стал наш комбат Орлов. Рядом с ним осколками снаряда срезало наповал замполита, адъютанта, а он уцелел, но заметно сник. Красивую Люду, подружку-телефонистку, по слухам, забрало вышестоящее начальство. Говорят, ушла она от него молча, собрав вещмешок, и даже оттолкнула, когда тот хотел обнять на прощание. Да бог с ней, с Людой! Как передать тягостное жуткое ощущение, когда шагаешь, продавливаешь по голень сгнившие шинели, гимнастерки и тонешь в вязком месиве, которое было человеческими телами. По трупам ведь шли.

Переpravляясь через разлившуюся степную речку, потеряли треть роты, в которой и без того человек сорок оставалось. Осколком перебило ногу Семену. Шестое ранение! Перевязали, наложили шину и отправили в тыл. Смурной и вредный по характеру, морщинистый худой мужик, выглядевший намного старше своих лет, подарил мне трофейный складной нож. По впалым щекам стекала слеза.

– Прощевайте, ребята!

Он не скрывал, что рад уйти из этой мясорубки, пусть даже с перебитой ногой. Как минимум месяца два госпиталя, а хромого, может, в пехоту и не пошлют. Глядишь, оставят в тылу обозным. С лошадьми Семен умел хорошо обращаться.

На плацдарме, за безымянной речкой, отрыв окоп, я целый день стрелял, как простой пехотинец по мелькающим вдали немцам, пулеметным вспышкам. Кого-то достал. А перекуривая и стараясь не смотреть на труп лежавшего рядом автоматчика, вдруг обнаружил, что елозил локтем в полуметре от немецкой противопехотной мины. Как я ее лопаткой не задел, когда окоп рыл, и позже, когда стрелял, один бог знает. Повезло!

Немцы поставили на опушке в ряд штук шесть-семь танков и штурмовых орудий. Лупили прямой наводкой, выбивая в мягкой весенней земле огромные воронки. Немецкая пехота приближалась быстрыми перебежками. Двинулись вперед массивные танки Т-IV, обвешанные звеньями гусениц, с очень длинными пушками, с набалдашниками на конце. За ними ползли несколько бронетранспортеров. И вся эта куча техники и пехоты непрерывно стреляла.

Им отвечали две наших потрепанных легких батареи. Хлопки моих винтовочных выстрелов казались до того беспомощными, что я, не выдержав, взял у погибшего пехотинца автомат и выпустил два диска. Потом, успокаиваясь, снова взялся за винтовку. Трудно было целиться под сильным огнем. Брустверы траншей буквально разлетались комьями от многочисленных попаданий пуль. Но я стрелял, а неподалеку резко и оглушительно било противотанковое ружье. Двух или трех человек я снял, когда, закончив очередную перебежку, они снова вставали в атаку. Кого-то наповал, кого-то ранил. Многих уложили наши пулеметчики. Им было тяжело. Часть танков били прицельно по пулеметным гнездам.

Нас бы смяли. Слишком неравные были силы. Один немецкий танк и тяжелый бронетранспортер горели, но остальные на полном ходу неслись вперед, и я видел, как ricochetят от брони танков снаряды наших «сорокапятков». Но из-за речки внезапно открыла огонь подошедшая батарея У 6-миллиметровых противотанковых орудий и ударили тяжелые минометы. Пудовые 120-миллиметровые мины летели вкривь и вкось. Одна рванула в нашей цепи, раскидав на полсотни метров ошметки какого-то бедолаги, но немцев эта батарея и мощные взрывы заставили попятиться. Загорелся еще один танк, второй – подбитый, поволокли прочь на буксире.

Потом переправились наши танки и рванули с десантом вперед. Мы двинулись следом. Нас торопили. Мы шли целый день, едва не валясь от усталости, с нетерпением ожидая темноты, отдыха.

Но вечером, после короткого привала, услышали приказ идти дальше. Надо спешить, пока немцы не закрепились. Мы едва не подняли бунт, не в силах снова подняться. Плевать на немцев! Спать. Хотя бы два-три часа! Новый ротный (четвертый по счету?), из молодняка, окончивший училище, раненный и снова отправленный на передовую, то кричал, то угова-

ривал нас. Капитан, командир седьмой роты, с перевязанной грязным бинтом шеей, оттянул затвор нового автомата Судаева с набалдашником на дырчатом стволе. Сипло объявил:

– Три минуты. Кто решил полежать, здесь и останется. Время пошло.

Я поглядел на часы. Взвод Шишкина, самый крепкий в роте, уже стоял. Поднялись и остальные. Снова марш. Ночью кормили недоваренной жесткой перловкой с кусками мяса и обильно сдобренной маслом. Выдали и по сто граммов «наркомовских». Но я видел, как плетутся, высунув язык, вчерашние похмельные, и слил свою долю во фляжку. Главное – дали три часа поспать. Большинство сразу заснуло. Храп перекрывал даже гул отдаленных взрывов. Хотя ночь была ясная, звездная, впереди, как гроза, ворчала и сверкала передовая. Кто-то спал, а кто-то там погибал. Василий Шишкин, как и я, не мог заснуть. Ворочались, перешептывались несколько новобранцев, которым утром предстоял первый бой.

– Семену операцию, наверное, сделали, – сказал Шишкин. – Лежит в тылу.

Вася Шишкин вздохнул. Я подумал, что он завидует Семену.

– Кажется, привык к смерти, – сказал взводный. – И письмо прощальное в кармане лежит. А не хочется умирать. Я сегодня ногу подвернул, пока вставал да хромал, немного отстал от своих. Тяжелый снаряд как шарахнет. Узбек впереди бежал, кажись, последний из того пополнения, и кто-то из молодняка. Прямо под взрыв угодили. Лучше не смотреть, что от них осталось. Если бы я не видел, оба без вести пропавшими пошли б. По кускам не опознаешь.

– Выбрось ты это письмо, Вася, – посоветовал я. – Паршивая примета.

– Ты считаешь, надо выбросить?

– Сколько раз слышал. И выпьем по сто граммов. Хоть поспим.

Шишкин письмо порвал, мы немного выпили и заснули, завернувшись в шинели. Василий пережил следующий день, хотя людей погибло много. Убили нашего ротного. Ни имени, ни фамилии в памяти не осталось. Сколько он командовал ротой? Неделью, не больше. В роте из тех, с кем я начинал в августе воевать, человек десять осталось. А сколько к вечеру выживет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.